

Всероссийская общественная организация
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Основано в 1845 году

КОСМЕНКО М,Г,

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
«ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ ПОМОРЦЕВ»
ПО СЛЕДАМ КУЛЬТУРЫ ПРОМЫСЛОВИКОВ ПОМОРСКОГО И
КАРЕЛЬСКОГО БЕРЕГОВ БЕЛОГО МОРЯ»**

Карельская региональная общественная организация содействия устойчивому развитию и охране
окружающей среды «Бассейновый Совет Северо-Карельского побережья»

2014

Всероссийская общественная организация
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
 Основано в 1845 году

Сбор материалов, проведение экспедиции и подготовка к печати осуществлена при поддержке **Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»** по гранту «Золотой берег поморцев: особенности культуры населения и природной среды Карельского и Поморского берегов Белого моря».
<http://www.rgo.ru>

"Бассейновый Совет Северо-Карельского побережья"

Издано на собственной множительной технике **Карельской региональной общественной организации содействия устойчивого развития и охраны окружающей среды «Бассейновый Совет Северо-Карельского побережья».**

<http://www.karelia-coast.org>

186670, Карелия, Лоухский р-он, пгт. Чупа, ул. Коргуева 7-а

Тел. Факс. +7 81439 41144 basincouncil@mail.ru

Поддержка деятельности КРОО «Бассейновый Совет» в приобретении оборудования для публикации материалов оказана **Фондом поддержки морей и океанов LIGHTHOUSE-FOUNDATION**

<http://www.lighthouse-foundation.org>

Над путеводителем «Золотой берег поморцев. По следам культуры промысловиков Поморского и Карельского берегов Белого моря» работали:

Автор : канд. исторических наук Косменко М.Г., Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск

Консультант Лобанова Н.В., Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск

Дизайн и верстка Диордиев Д.Э., Бабусько О.В., Информационный центр КРОО «Бассейновый Совет», Чупа

Макет и вступление Рыбаков Ю.Н, Информационный центр КРОО «Бассейновый Совет», Чупа

Фото И.В. Георгиевский, Косменко М.Г., Лобанова Н.В.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	К читателю.	4
2.	Советы по пользованию путеводителем.	4
3.	Карты и пособия.	5
4.	О поморах.	6
5.	Следы культуры морских промысловиков в Карельском Беломорье .	8
5.1	Общие сведения и проблемы изучения.	8
5.2	Природный контекст.	10
5.3	Культурный контекст.	12
6.	Виды сооружений.	12
6.1	Непроизводственные и неопределенные сооружения.	13
6.1.1	Лабиринты.	13
6.1.2	Менгиры.	22
6.1.3	Кресты.	24
6.1.4	Пирамидальные сложения.	26
6.1.5	Каменные фигуры.	27
6.1.6	Захоронения.	27
6.1.7	Уникальные комплексы.	29
7.	Производственно-бытовые сооружения.	31
7.1	Каменные кучи.	31
7.2	Очаги.	32
7.3	Ямы.	33
7.4	Фундаменты построек	35
8.	Интерпретация объектов промысловой культуры.	37
9.	Литература	41
10.	Сокращения	43

1. К читателю.

В настоящее время повышен интерес отечественных путешественников к Белому морю, обусловленный его относительной доступностью, так же открыты Внутренние водные пути РФ и территориальное море РФ для плавания туристских судов под иностранным флагом. Известные «бренды» такие как Петроглифы Беломорска, Соловецкие острова достаточно подробно описаны в различных справочниках и путеводителях. Не менее интересны маршруты которые могут быть составлены самостоятельно и пройдены вдоль Поморского Карельского берегов Белого моря. Основой этих маршрутов могут служить следы культуры морских промысловиков на Белом море.

В 2014 году в рамках проекта РГО «Золотой берег поморцев: особенности культуры населения и природной среды Карельского и Поморского берегов Белого моря», осуществляемого общественной организацией «Бассейновый Совет Северо-Карельского берега Белого моря», состоялась научно-исследовательская экспедиция. В ходе экспедиции проведены встречи с населением побережья, немногочисленных городов и сел, а также рыбаками, ведущими традиционный промысел на побережье Белого моря. Нам удалось обследовать не все запланированные перспективные участки побережья на маршруте экспедиции. Это связано с тем, что в районе тони Иванькова (в прошлом на территории поморской общины села Кереть) найдены комплексы археологических, этнографических и исторических памятников от эпохи раннего металла, до нового времени и современности. Детальная фиксация этих находок в соответствии с существующими требованиями к археологическим отчетам потребовала больше времени, чем планировалось по проекту. Среди открытых памятников есть УНИКАЛЬНЫЕ не только для Карелии, но и для всей Северной Европы. На основе этой и предыдущих экспедиций составлен путеводитель в форме научного очерка.

2. Советы по использованию путеводителем.

Так как большинство объектов описанных в путеводителе доступны только для путешественников обладающих плавательным средством (мотородка, катер, парусное судно, катамаран, байдарка и т.п.), пользование им требует умения использовать морские навигационные карты, специальные пособия, навигационные приборы. Наличие данных карт и пособий у пользователя предполагается.

Мы сознательно не прописываем конкретный маршрут, а предоставляем информацию о заслуживающих внимания объектах на Карельском и Поморском берегу Белого моря, предоставляя читателю возможность на его основе самостоятельно спланировать путешествие. Путеводитель построен в форме научного очерка. Объекты сгруппированы по типам. Представлены схематичные планы. Дано фактическое и историческое описание объекта, наименование места согласно общедоступной географической информации, направления и привязки к ориентирам, обозначенным на навигационных картах. В конце путеводителя приведена полезная при организации путешествия литература.

3. Карты и пособия.

Для пользования путеводителем вам понадобятся:

Лоция Белого моря. Адм. №1110. Лоция откорректирована по извещениям мореплавателям Гидрографической службы Краснознаменного Северного флота, ч. II, выпуск № 12 от 10 сентября 1993 г.

Путевые карты Белого моря 1:200000:

Адм. №12009 Онежский залив

Адм. №12008 Подходы к Кандалакшскому и Онежскому заливам

Адм. №12042 Кандалакшский залив

Планы Белого моря 1:25000: необходимые подбираются из Адмиралтейской коллекции по каталогу расположенному в сети интернет по адресу <http://catalog.chartpilot.ru/>, здесь же можно заказать необходимые карты и пособия.

Таблицы приливов и отливов Белого моря.

Атлас течений Белого моря.

В целях определения места нахождения объектов допустимо пользоваться широко распространенных в интернете сухопутными картами Генштаба РФ 1:200000 и 1:50000, для целей морской навигации эти карты **не пригодны**.

Необходимо изучить:

Правила пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации (приложение к Приказу МЧС РФ от 29 июня 2005 г. N 502 с изменениями от 21.07.2009 N 425).

О внесении изменений в правила пользования маломерными судами на водных объектах (Приказ МЧС РФ от 21.07.2009 г. № 425).

Постановление Правительства Республики Карелия от 23 ноября 2010 года № 259-П "Об утверждении Правил охраны жизни людей на водных объектах в Республике Карелия и Правил пользования водными объектами для плавания на маломерных судах в Республике Карелия".

4. О поморах.

В сознании любого человека, интересующегося русской историей, слово «помор» вызывает целый круг достаточно определенных, живых и ярких образов. Впервые этот термин появляется в письменных источниках в 1526 году, где он противопоставлен «лоплянам». В официальных документах термин «помор» употребляется в XVI в. и как самоназвание, и как название. Возможно, что под «Поморьем» подразумевался вначале Мурман. Так как «Поморье» в XVI в. не всегда было синонимом понятию «поморская волость» (Заонежье, Кола, Кандалакша, Умба, Кереть, Нюхча), ко второй половине XVII относится развитие восточных мурманских промыслов, в которых занято в основном население Карельского Поморского, Зимнего, Летнего берегов Белого моря. Все население этих мест, занятное в промыслах, а не в торговле, называлось поморами.

В системе классификации этнических общностей разного порядка поморов относят к самым мелким этническим подразделениям русских. В настоящее время русские поморы проживают на побережье Белого и Баренцево морей.

Заселение беломорского побережья и формирование его населения, т.е. появление постоянных русских поселений, является частью этнической истории Русского севера в целом. Оно происходило в основном в хронологических рамках формирования всего массива северорусского населения в XII-XVII вв. На основании источников можно предполагать, что подавляющая часть русских постоянных поселений на побережье Белого моря возникла в период с середины XIV до начала XVII вв.

К первой трети XVIII в. постоянные поселения на беломорском побережье образовали линию от устья реки Мезень до реки Поной. В XVI-XVII в. прирост населения происходил, как и в предыдущие века, несмотря на трудную внешнеполитическую ситуацию. Особенно сильно пострадали поморские районы в войне со Швецией в 1589-1592 гг. Со второй половины XVII в жизнь в морских районах стабилизировалась, начинается интенсивное развитие морских промыслов и торговли, что привлекало население. Окончательное заселение поморской территории в целом, т.е. возникновение всех русских поселений, существующих и в настоящее время, относится к середине XVIII в., и впервые отражено на карте Рейнеке в 1827 году.

Формирование значительной части поморской территории происходило на землях карел, переселение которых в эти районы происходило в 3 этапа: 1) конец XII-XIII в. 2) «вторая волна»-XV в. 3) первая половина XVII- третья волна переселения карел.

Оседание русских переселенцев на побережье Белого моря вовлекало в сферу своей жизни и жившее здесь карельское население. Участие карел в формировании поморского населения на протяжении XV-XVII в. отразилось в самосознании и названиях жителей отдельных районов. Карельское население быстро ассимилировалось в среде русского населения поморских районов: утратилась связь с родиной, был забыт карельский язык. Ассимиляция карел, появившихся в русской поморской среде не позднее середины XIX в., шла быстро и без осложнений.

Основными занятиями поморов являлись рыболовство, морская охота на тюленей и белух. Особое значение повсюду сохранял семужий морской и речной заборный лов. Во второй половине XIX-XX вв. семга не могла конкурировать с треской, сельдью и навагой по размерам улова, но ее высокая стоимость заставляла поморов интенсивно заниматься промыслом этой рыбы.

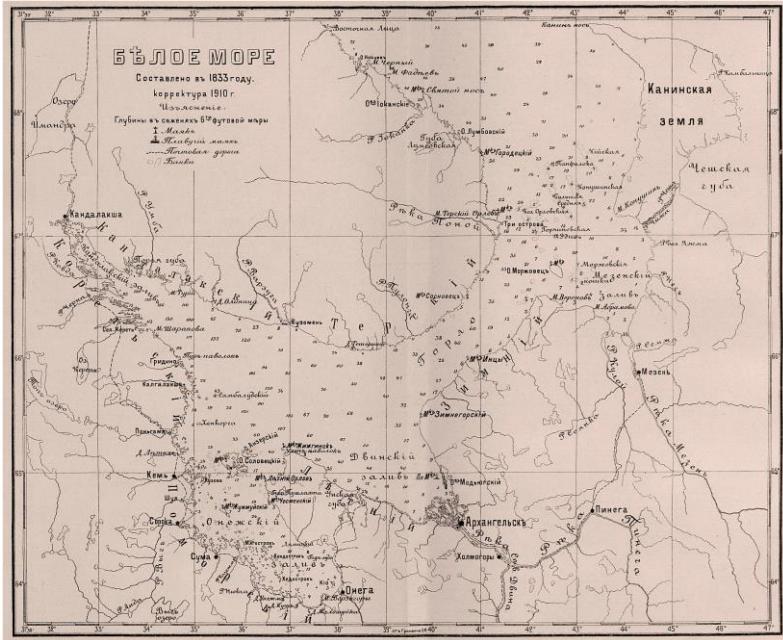
К числу древних и своеобразных промыслов поморов относится солеварение и добыча жемчуга. Но к концу XIX в. оба практически сошли на нет. Жемчуг был непременным материалом отделки поморской одежды и украшений. К концу XIX в. солеварение также ограничивалось местным уровнем, и оно не могло конкурировать с солью высшего сорта, т.к. изготавливались примитивным производством для местного уровня.

Таким образом, морские промыслы, речное и озерное рыболовство, явившись изначально основой хозяйственной деятельности жителей, заселивших беломорское побережье, сыграли большую роль в формировании общих черт социально – экономической структуры, культуры и быта поморов, выделяющих их в общей массе северорусского населения.

В результате экспедиции установлена взаимосвязь с обнаруженными в ходе экспедиции памятниками археологии и истории, следами промысловой деятельности населения Карельского берега с современностью, и в частности, знакомясь с состоянием исторических промыслов в наше время. Для местных жителей наша экспедиция вызывала повышенный интерес, не проходило не одного дня без контактов и встреч с местным, современным населением Карельского берега. Нам были крайне интересны встречи и общение с людьми, которые были прямыми потомками первопроходцев Русской Арктики.

5. Следы культуры морских промысловиков в Карельском Беломорье .

5.1 Общие сведения и проблемы изучения.

Южная часть бассейна Белого моря от р. Онега до р. Кемь (Поморский берег) и его западная часть от Кеми до оконечности Кандалакшского залива (Карельский берег) обследовались археологами с 1880 гг. и до последнего времени. В результате этих работ на территории прибрежной зоны моря в пределах Республики Карелия к 2007 г. были выявлены 420 различных археологических памятников, включая рукотворные сооружения из природного камня и их скопления (Косменко, 2007; 2007а, рис. 1), число которых несколько пополнилось в 2010 и 2013-14 гг. Памятники представлены древними поселениями от эпохи мезолита до средневековья, включая зимние поселения периодов неолита – энеолита с жилищами-полуземлянками и серией местонахождений изделий из кварца, которые неравномерно размещены в приморской зоне. Поселения концентрируются в тех местах приморской зоны, где есть постоянные источники пресной воды, преимущественно в низовьях крупных озерно-речных систем, включая близкие озера. Совершенно иначе расположены искусственные сложения из природного камня. Они четко не привязаны к постоянным источникам пресной воды, рассеяны непосредственно вдоль современного морского побережья и на островах.

Культура морских промысловиков проявилась в западной и южной прибрежной зоне Белого моря вполне отчетливо. Ее материальные следы зримо представлены на местах специализированных промысловых пунктов поморов – тоней, которые сопровождаются остатками строений, деревянными крестами и различными несложными сооружениями из природного камня. На западном, южном побережье и островах в пределах Карелии выявлено около 1300 рукотворных каменных объектов. Кроме того, около 1000 объектов известны на Соловецких островах в Архангельской области. Другие части побережья Белого моря не подвергались специальному систематическому обследованию, однако нет надежно документированных сведений о каменных объектах в этих районах, кроме нескольких лабиринтов на Кольском п-ове. Во всяком случае, массовая концентрация искусственных сооружений зафиксирована только в южной и западной прибрежной зоне Белого моря (рис. 1).

Рис. 1. Пункты с каменными сооружениями в Карельском Поморье.

Острова у Поморского берега: 1. Коткано. 2. Большой Кузьмин. 3. Черная Луда. 4. Кондостров. 5. Перхлуды. 6. Голомянный. 7. Мягостров. 8. Салма Луда. 9. Малый Жужмуй. 10. Большой Жужмуй. 12. Кемская Губа. 13. Сатам. Поморский берег: 11. Мальостров. Архипелаг Кузова: 14. Русский Кузов. 15. Немецкий Кузов. 16. Лодейный. 17. Олешин. 18. Большой Вороний. 19. Жилой. 20. Средний. 21. Тапаруха. Карельский берег: 22. Поньгома. 23. Сыроватка. 24. Протока южная Яголомба. 25. Протока северная Яголомба. 26. Долгая губа. 27. Мыс Гордней. 28. Мыс Кирбей. 29. Могила Пурнаволок. 30. Пурнаволок. 31. Сонручей. 32. Мыс Шоломбродский. 33. Могила Соностров. 34. Соностров. 35. Соленая Ламба. 36. Пункт южнее м. Шарапов. 37. Корабельная бухта. 54. Иваньковская Тоня. Острова у Карельского берега: 38. Малый Медвежий. 39. Большой Робъяк. 40. Малый Робъяк. 41. Олений. 42. Бережные Лехлуды. 43. Лоушкино. 44. Избяная Луда. 45. Крестовая Луда. 46. Палостров. 47. Могильный. 48. Пападьина. 49. Тонисаар. 50. Соностров. 51. Пежостров. 52. Красный. 53. Оленевский. 55. Соловецкий архипелаг (Архангельская обл.).

принадлежности, функций и символики. В данной ситуации решение ключевых вопросов интерпретации каменных сооружений во многом определяется степенью изученности их природного и культурного контекста.

Трудность выявления датирующих признаков древних рукотворных сооружений осложняет не только их хронологическое разграничение, но и определение статуса археологических памятников. Проблему определяет то обстоятельство, что каменные сооружения Поморья находятся в очень скучном культурном контексте и непосредственно не привязаны к древним и средневековым поселениям. Такую связь нужно выявлять и доказывать. Больше того, многие археологи и любители произвольно декларируют использование рукотворных сооружений, а также серии камней природного происхождения в качестве объектов религиозных языческих культов. Если исключить явные фантазии, то вполне очевидно, что эти авторы пытались решить проблемы интерпретации главным образом с помощью сравнительно-исторического метода, т.е. путем сопоставления с похожими объектами и их функциями в других регионах и странах. Но внешнее сходство обманчиво и дает возможность самых разных объяснений. Отсюда понятно, что интерпретаторы высказывали различные мнения о хронологии, принадлежности и назначении беломорских сооружений (обзоры см. Косменко, 2014; Мизин, 2014). Прямая примерка произвольно выбранных этноисторических, функциональных и религиозно-символических шаблонов к каменным объектам ведет к ложным истолкованиям их

5.2 Природный контекст.

Каменные сложения сосредоточены на каменистых участках морского берега и островов, отсутствуют в Прибеломорской низменности и на других болотистых участках побережья. Нет их и на удаленных от берега морских террасах, реках и внутренних озерах. Ясно, что рукотворные сооружения из природного камня представляют собой результат экологического приспособления к узкой приморской зоне.

Особенностью топографического расположения каменных сооружений в Поморье является тот факт, что они никогда не встречаются на морских террасах, удаленных от современной береговой линии, в том числе около древних поселений и их скоплений в устьях рек. Все объекты находятся на каменистых островах и участках современного морского побережья, но расположены на разных высотах над уровнем моря в интервале 2-118 м. Так, сложения на вершинах о. Русский и Немецкий Кузов находятся в интервале 80-118 м, лабиринты на о. Олешин размещаются на высоте около 25 м, а лабиринт на о. Красная Луда сооружен чуть выше границы прилива, на высоте 2,5 м. Некоторые лабиринты на Соловках находятся на высоте 2 м, другие – на высотах 8-18 м (Мартынов, 2002, с. 61-83). Стела на Мальострове и менгирь в урочище Сыроватка расположены на высоте 2-3 м, в протоке северная Яголомба, губе Долгая, на мысу Гордней, о-вах Избянай и Крестовая Луда – 3-5 м, на о. Б. Робъяк около 10 м, на мысу Кирбей, о-вах Могильный и Пападьина около 10 и 17 м, Немецком Кузове выше 90 м. Каменные могилы расположены не выше 3 м у д. Соностров и 4-5 м на о. Бережные Лехлуды, а на мысах Пурнаволок и Кирбей находятся на уровнях 8 и 17 м. В интервале высот 2-30 м размещаются каменные кучи, ямы, очаги и прочие сооружения. Естественно, возникает вопрос о времени сооружения различных видов каменных объектов и причинах их расположения на разных высотах.

В этой связи нужно пояснить, что территория Фенноскандии после освобождения от колоссального давления материкового ледника испытывает непрерывное поднятие, которое наглядно отразилось в высотном размещении археологических памятников различных эпох на южном и западном побережье Белого моря. Так, в западном Поморье самые древние поселения эпохи мезолита располагаются выше 40 м над уровнем моря и значительно удалены от современного берега, памятники периодов неолита – энеолита известны на береговых высотах от 19 м, а поселения периодов бронзы – раннего Средневековья на западном побережье вовсе отсутствуют (кроме низовья Выга) и выявлены только на внутренних озерах беломорского бассейна. На Кузовах островные поселения-мастерские эпохи неолита находятся на высотах 12-20 м. В приусыре р. Выг на южном побережье моря мезолитические памятники неизвестны, стоянки эпох неолита – энеолита расположены на высотах от 14 м, а поселения бронзового века – раннего Средневековья отсутствуют ниже 7,5 м над уровнем моря и находятся главным образом на высотах 10-14 м. Таким образом, на береговых уровнях до 7 м в принципе могут находиться только средневековые памятники.

Нужно особо подчеркнуть тот факт, что высота конкретных археологических объектов над уровнем моря не является точным и надежным показателем их относительного, тем более абсолютного возраста. Отдельные памятники не были жестко привязаны к урезу воды. Дело в том, что высотное размещение поселений и каменных сооружений не представляет собой результат автоматических реакций людей на изменение береговой линии моря, а зависит от выбора ими наиболее удобных пунктов на любых уровнях берегового склона выше синхронного приливного уровня воды, следовательно, от рельефа берега на конкретных участках. Поэтому памятники какой-либо культуры или периода нельзя датировать в хронологических рамках полного интервала их высотного размещения. Большинство таких формальных относительных датировок будут в разной степени ложными. Например, комплексы бронзового века – раннего Средневековья на многослойных поселениях в устье Выга располагаются в интервале от 7,5 до 24 м, однако на уровнях выше 14 м они сочетаются с материалами

каменного века – энеолита. Ясно, что все эти комплексы не были синхронными и даже близкими во времени. Деревянные сооружения поморов тоже располагаются в пределах всего интервала береговых высот, но отсюда вовсе не следует, что они датируются в столь широких временных рамках.

Таким образом, только нижняя граница расположения памятников различных периодов и культур над уровнем моря может служить рубежом их относительной датировки. Этот рубеж фиксирует финальные фазы их существования в данном районе. Но относительные даты начальных этапов крайне трудно определить высотным методом, потому что необходимо точно знать уровень моря во время существования разных поселений исследуемой культуры и учитывать особенности рельефа конкретных участков побережья.

Чтобы определить специфику топографии памятников какой-либо культуры, нужно выявлять регулярности их размещения, т.е. особенности выбора мест расположения с учетом рельефа берегового склона, наличия пресной воды и других природных факторов. Поселения в прибрежной зоне Белого моря обычно привязаны к рекам. Они располагаются вблизи постоянных источников пресной воды на площадках морских и речных песчаных или песчано-галечных, очень редко каменистых береговых террас. В исключительных случаях они размещаются на скальных площадках.

Рис. 2. Саамские поселения XVI века в Карельском Беломорье (по Т.П. Амелиной, 2009), деревни поморов и каменные сооружения.

каменных сооружений и поморских селений в прибрежной зоне совпадают практически полностью, тогда как средневековые поселения саамов рассредоточены во внутренней части бассейна Белого моря (рис. 2).

В отличие от поселений, каменные сооружения не привязаны непосредственно к источникам пресной воды. В частности, лабиринты и менгiry сооружены на площадках и склонах, обращенных к морю, независимо от их высоты. Сходным образом на самых разных высотах расположены поморские деревянные кресты и их каменные кучи-подпоры. В целом выделяется большая группа разнообразных сооружений на нижней морской террасе высотой 2-4 м. На ней отсутствуют поселения бронзового века – раннего средневековья и, кроме каменных сооружений, зафиксированы только промысловые пункты поморов. Если даже оставить открытым вопрос о нижней хронологической границе различных видов каменных объектов, то совершенно очевидно, что сооружения всех видов делали поморы в позднем средневековье и Новом времени. Массовое скопление

5.3 Культурный контекст.

Как уже сказано, очень важным аспектом является изучение непосредственного культурного контекста сооружений. На островах и побережье Карельского Поморья рассеяно свыше 150 действующих и заброшенных поморских промысловых пунктов – тоней с сохранившимися или разрушенными жилыми и вспомогательными строениями, остатки или следы которых заметны на поверхности. Разумеется, в настоящее время трудно точно разграничить все эти пункты в хронологическом отношении. С течением времени некоторые из них были заброшены, а в других сменялись пользователи и возводились новые постройки. Большая серия каменных сооружений располагается около таких пунктов, но вблизи многих промысловых избушек они отсутствуют.

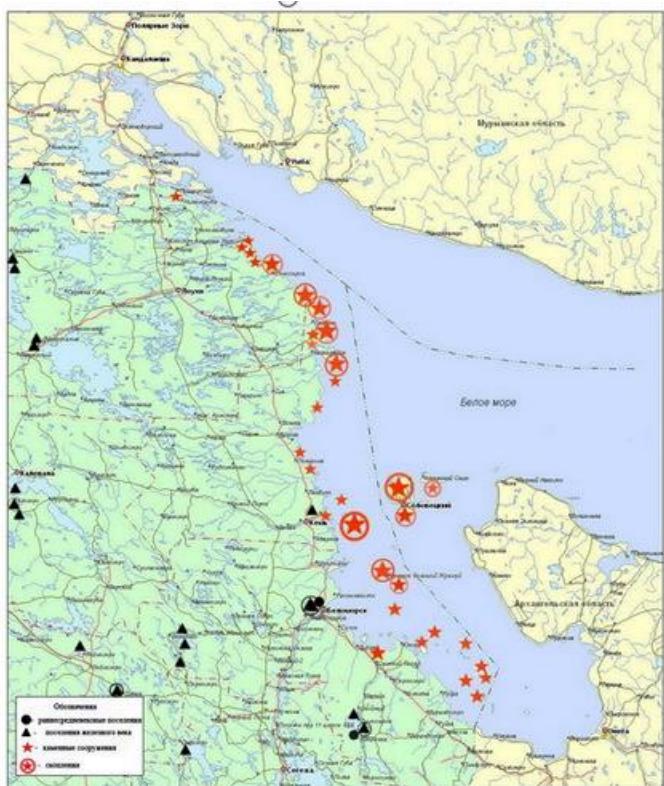

Рис. 3. Каменные сооружения, поселения железного века, раннего средневековья.

располагаются во внутренних районах беломорского бассейна, а поселения бронзового века вообще отсутствуют в западном Поморье (см. Косменко, 1993, 1996, 2007).

6. Виды сооружений.

В Карельском Поморье рукотворные сооружения из природного камня обнаружены в 54 пунктах (18 на побережье, 36 на островах) чаще как скопления различных объектов, редко поодиночке. Среди них отчетливо различаются, по меньшей мере, 9 видов. Это лабиринты, менгиры, низкие пирамидки, могилы, ямы, очаги, кучи, ленточные фундаменты деревянных строений, наконец, серия уникальных, нестандартных сложений. В первую очередь возникает актуальный вопрос о разграничении древних и современных объектов. Дело в том, что некоторые сложения сделаны здесь в недавнем прошлом промысловиками, крестьянами, топографами, смотрителями маяков и рыбаками. К числу таких объектов относятся фундаменты и очаги на местах промысловых изб и иных деревянных строений, открытые очаги разных форм, кучи-подпоры триангуляционных вышек и знаков морской судоходной обстановки, изредка каменные кучи на полях и покосах. Больше того, в последние десятилетия на островах архипелага Кузова досужие туристы сложили «огромное количество "новоделов" – "крестов",

Археологи не производили полномасштабные раскопки вокруг самих каменных объектов и в ближайших к ним заброшенных или старых промысловых пунктах. Работы ограничивались обследованием, в единичных случаях расчисткой отдельных сооружений. Поэтому облик бытовой и производственной материальной культуры промысловиков-поморов остается в целом недостаточно изученным. Тем не менее, можно определенно утверждать, что известные промысловые пункты совершенно не связаны с культурами бронзового века – раннего средневековья, которые существовали в бассейне Белого моря до возникновения Соловецкого монастыря и заселения морского побережья карелами и русскими. Их географическое размещение полностью отличается (рис. 3). Как и средневековые поселения саамов, они

"столбиков", "туриев", "магических кругов" и т.п.» (Лобанова, 2006, с. 414) как памятные знаки своего пребывания или с целью намеренной мистификации посетителей. Здесь мы не станем их подробно рассматривать современные производственные сооружения, как и подделки древних объектов и коснемся их лишь мимоходом.

В функциональном отношении все рукотворные каменные объекты можно очень схематично и достаточно условно разделить на две основные категории: 1) сооружения производственно-бытового и 2) непроизводственного или точно не определенного назначения, которое является предметом дискуссии и подлежит дальнейшему изучению.

6.1 Непроизводственные и неопределенные сооружения.

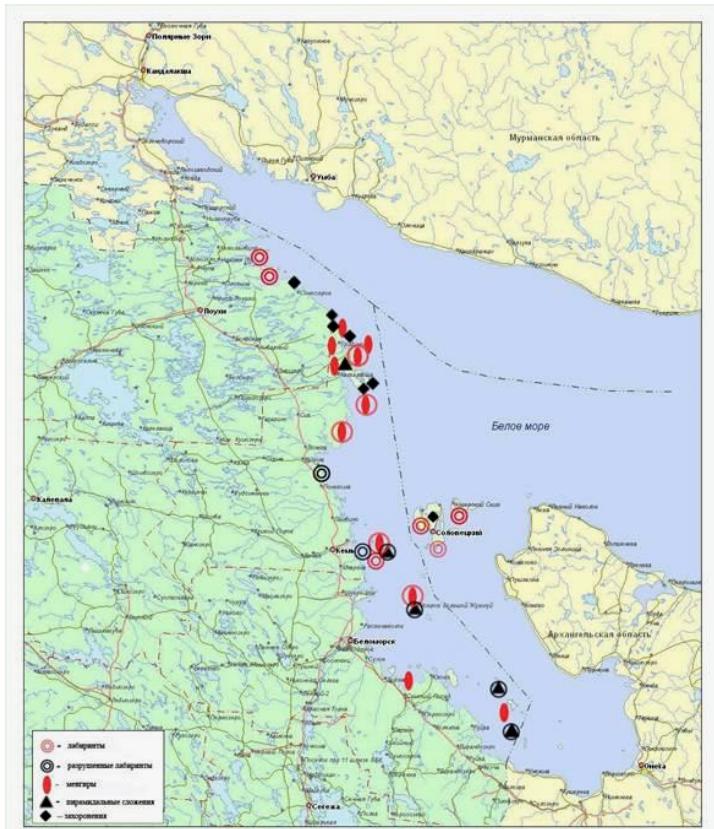

Рис. 4. Лабиринты, менгри, пирамидки, захоронения в Карельском Поморье.

К этой категории отнесены каменные объекты, прямая связь которых с производственной деятельностью четко не прослеживается либо является дискуссионной и подлежит специальному исследованию. Они представлены лабиринтами, менгирами, пирамидальными сложениями, отдельными сооружениями уникальных форм, а также захоронениями людей под кучами в каменных ящиках или обложенных камнями камерах (рис. 4). Сюда также можно причислить кучи-подпоры островных и береговых поморских деревянных крестов.

Все они имеют косвенное отношение к производственной деятельности на морском побережье и островах. Можно условно выделить данную категорию объектов как рабочий инструмент их общего, хотя и недостаточно точного функционального

разграничения. Содержание конкретных интерпретаций в дальнейшем может уточняться.

6.1.1 Лабиринты.

Каменные лабиринты единичны в Карельском Поморье и найдены только на западном побережье моря (рис. 4). Здесь сохранился лабиринт на о. Красный (рис. 5, 6) и два – на о. Олешин (рис. 7), один из которых сильно разрушен. К ним добавился лабиринт на Иваньковской тоне, изученный экспедицией РГО в 2014 г. (рис. 8, 8-а) Кроме того, есть не документированные упоминания о двух полностью разрушенных лабиринтах в устье р. Поньгома (Мулло, 1966) и в Кемской губе (Гурина, 1961, с. 515). Это сложные спиралевидные ленточные выкладки из небольших камней (классификацию форм северных каменных лабиринтов см. Куратов, 1970).

Рис. 5. Лабиринт на о. Красный. Вид с горы Шавруха.

каменного века по высоте над уровнем моря. Но формальная хронология археологических объектов по высотному расположению может очень сильно расходиться с их подлинным возрастом. Так, представляется совершенно нереальной формальная датировка норвежским геологом Я. Меллером (Sørgård, 2003, р. 119) временем около 9000 лет назад высоко расположенных лабиринтов на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага. Вместе с тем, бесспорным можно признать средневековый возраст самых низких лабиринтов Беломорья, включая сооружение на Иваньковской тоне и на о. Красный.

В южном и восточном Поморье лабиринтов нет. В общем, они рассеяны на обширной территории в приморской зоне Фенноскандии, однако на внутренних водоемах их никогда не сооружали.

Беломорские лабиринты вызывают активный, но избирательный интерес у многих исследователей. Некоторые авторы датируют лабиринты в очень широких временных рамках вплоть до

Рис. 6. Лабиринт на о. Красный. Вид от материка

Рис. 7. Лабиринт на о. Олешин.

Лабиринты на южном, Терском побережье Кольского п-ова у Кандалакши и Умбы Я. Меллер датирует временем не раньше 150-200 лет назад (Sørgård, 2003, р. 119). Однако следует заметить, что время прекращения строительства лабиринтов в Беломорье достоверно не установлено, а их высотная датировка не отличается точностью. В северо-восточной Норвегии многие лабиринты могут относиться к 1200 или 1300 – 1700 гг. (Olsen, 1991, р. 56-57; Sørgård, 2003, р. 119); примерно к этому же времени относится большинство подобных сооружений в северной Швеции (Kraft, 1977, р. 79-80). Несомненно, не раньше Средневековья сооружена и серия низко расположенных лабиринтов на островах Соловецкого архипелага. Есть даже сведения о том, что Петр I в 1702 г. будто бы повелел сложить на Большом Заяцком острове «в два ряда булыжных камней Вавилон или лабиринт» (Досифей, 1836, с. 180), однако факт его строительства в указанное время документально не подтвержден.

Рис. 8-а. Иваньковская тоня. Вид с юга. Стрелкой указан лабиринт.

Некоторые данные об относительной хронологии получены при расчистке Иваньковского лабиринта. Место Иваньковской тони морфологически представляет собой северную оконечность второй от современного берега, относительно широкой галечной волноприбойной полосы, превратившейся в нижнюю террасу. В настоящее время вторая полоса в бухте большей частью еще не успела покрыться растительностью и дерном, но близ подножия скального массива нижняя терраса задернована и сложена глинистой супесью с галькой. Остатки старого промыслового пункта расположены на мысу этой террасы непосредственно восточнее лабиринта и здимо представлены развалом печи-каменки, сложенной из камня-плитняка. Несомненно, лабиринт и промысловый пункт возникли после того, как вторая волноприбойная полоса в процессе общего поднятия западного побережья Белого моря перестала быть береговой линией.

С юга к лабиринту примыкает короткая сплошная каменная вымостка длиной 3,2 м и шириной 3,0 м (у лабиринта) и 2,5 м (у второй галечной полосы). Вымостка соединяет лабиринт и вторую волноприбойную галечную полосу и, видимо была «входом» в сооружение. Камни в ее пределах не имеют четко выраженного регулярного расположения. Около Ю, З и С краев лабиринта располагаются по меньшей мере 3 низкие продолговатые кучи грунта, вероятно удаленного из его пределов во время сооружения. Лабиринт был расчищен по периметру от растительности и покрывающего дерна, не удаляя камней. Расчищена и небольшая грунтовая куча у его З окраины.

Рис. 8. Иваньковский лабиринт. Вид с севера.

почвой с угольками, иногда с углистыми прослойками и находками культурных остатков, преимущественно гончарной посуды. Это культурный слой, образовавшийся во время функционирования промыслового пункта. Он был удален при расчистке до материкового грунта. Культурный слой был наиболее интенсивным преимущественно в восточной части лабиринта, примыкающей к остаткам старых строений. Камни конструкции нигде не залегали на почвенном слое с культурными остатками, кроме кострища 2, поэтому поверхность материковой супеси можно рассматривать как базовый уровень грунта во время сооружения лабиринта.

В пределах лабиринта зафиксированы остатки 3 наземных кострищ, обозначающих следы бытовой деятельности промысловиков.

Кострище 1 зафиксировано в 1 м западнее центра лабиринта. Оно прослеживалось как пятно темной, окрашенной углем рыхлой супеси неопределенных очертаний размерами около 0,8x0,8 м. В его пределах сосредоточены угольки и тонкие прослойки

Стратиграфия в пределах лабиринта проста, стандартна и представлена дерновым слоем толщиной до 5 см, под которым непосредственно находились камни. Они залегали на светло-серой материковой глинистой супеси с галькой и мелкими камнями, не имеющими отношения к структуре сооружения. Промежутки между каменными кругами и отдельными камнями были заполнены на глубину до 10-12 см рыхлой темно-коричневой супесчаной

углистого грунта. В кострище и рядом с ним найдены обломки гончарной, в т.ч. поливной посуды, оконное стекло, ножка стеклянной рюмки. Найдки залегали непосредственно под дерном. Это современное кострище. Оно не нарушило расположение камней лабиринта.

Кострище 2 располагалось у восточной окраины лабиринта в 4 м к В от его центра. Оно прослеживалось под дерном как нечеткое пятно рыхлой темной супеси размерами около 0,8x1,0 м с углистыми и зольными линзами. В его пределах также наблюдались тонкие прослойки красного обожженного грунта. Углистые частицы здесь окрасили поверхность материковой супеси в темный цвет. Это кострище немного повредило лабиринт, точнее, первоначальное расположение нескольких камней, которые здесь сдвинуты из центра к краям углистого пятна и лежат немного выше ординарных камней структуры сооружения. В слое кострища найдены только кусочки слюды, вероятнее всего от окошек позднесредневековой избы. По этому признаку кострище 2 можно определить как более древнее, чем кострище 1, где найдены только современные предметы.

Кострище 3 выделено условно и располагалось вдоль В края вымостки, немного южнее самого лабиринта. Оно тоже не имело четких контуров и вскрыто частично. В пределах В части вымостки распространялся участок культурного слоя промыслового пункта с прослойками углистой супеси не толще 10 см. В кострище найдены обломки оконного стекла, гончарных, в т.ч. поливных сосудов, остатки кожаной обуви. Это современный культурный слой, который образовался во время существования последней постройки с печкой-каменкой, расположенной в 10 м восточнее вымостки.

Расчистка кучи грунта у З окраины лабиринта размерами 2,0x1,5 м высотой до 0,35 м показала, что она состоит из глинистой супеси, перемешанной с камнями. Признаки культурного слоя и культурные остатки здесь отсутствовали. По всей вероятности, куча синхронна лабиринту и возникла в результате удаления лишнего грунта и камней при его строительстве.

Сам лабиринт представляет собой сооружение округлой формы диаметром около 11 м (10,9 м по линии СВ-ЮЗ и 10,8 м по линии ЮВ-СЗ). Он имеет структуру, состоящую минимум из 10 колец, которые состоят из отдельных камней среднего размера. Со стороны моря к нему примыкает сплошная каменная вымостка.

По топографическим данным, лабиринт и тоня были сооружены после того, как вторая волноприбойная полоса превратилась в неширокую пологую нижнюю террасу высотой до 4 м, которая отдалась от береговой линии на 30-40 м и перестала подтопляться во время морских приливов. Несомненно, это произошло в средневековую эпоху, потому что нигде в Поморье на этой высоте нет более древних археологических памятников. Лабиринт получил небольшие повреждения в процессе деятельности промысловиков, но рыбаки никогда не пытались намеренно его разрушить, несмотря на близость к жилым строениям. Следы их деятельности прослеживались преимущественно в восточной части сооружения, рядом с остатками тони. По стратиграфическим данным, лабиринт сделан раньше позднего периода функционирования промыслового пункта поморов. Найдки оконной слюды в перекрывающем лабиринт культурном слое кострища 2 свидетельствуют о том, что он сооружен раньше времени существования на тоне жилых построек со слюдяными окнами. По всей вероятности, лабиринт возник здесь одновременно с промысловым пунктом поморов и может быть отнесен к раннему периоду существования Иваньковской тони.

Нет необходимости здесь подробно излагать различные умозрительные гипотезы российских и зарубежных исследователей о назначении лабиринтов, которые на севере Фенноскандии чаще всего приписывают саамам, их предкам либо неопознанным этноязыковым группам населения. Учитывая явно поздний возраст многих лабиринтовидных сложений, вопрос об их функциях остается дискуссионным, если иметь в виду мнения ряда российских исследователей о предполагаемой связи с языческими культурами, промысловой магией или погребальной обрядностью (А.Я. Брюсов, 1940; Н.Н.

Виноградов, 1927, 1997 (1935); Н.Н. Гурина, 1947, 1948; В.Р. Кабо, 2007; А.А. Куратов, 1970; А.Я. Мартынов, 2002; Ю.В. Титов, 1976 и др.). Основой упомянутых концепций является убеждение авторов в глубокой древности традиции сооружения лабиринтов на европейском Севере и, соответственно, ее нехристианском религиозном содержании.

Между тем, многие предположения о древнем возрасте, культовом и производственно-магическом назначении беломорских лабиринтов совершенно не обоснованы, поэтому их следует рассматривать только как авторские мнения, имеющие неопределенное отношение к реальности. Они ничем не подтверждены, и могут рассматриваться как воображаемые объяснения. К их числу относится предположение, что древние рыболовы, совершая магические обряды, могли водить изображения рыб по извилиам лабиринтов для обеспечения хороших уловов (Гурина, 1947, с. 92). Откровения подобные тем, что «лабиринты служили алтарями, на которых первобытные рыболовы приносили жертвы Хозяину Воды» (Титов, 1976, с. 17) либо были «символами потустороннего – "нижнего" – мира, в котором запутывались души умерших» (Мартынов, 2002, с. 110), тоже представляют собой плоды фантазии авторов. Версия о погребальном назначении беломорских лабиринтов (Брюсов, 1940, с. 150; Кабо, 2007, с. 264) вовсе лишена конкретного фактического обоснования и базируется на абстрактных суждениях.

В последнее время некоторые исследователи признают средневековый возраст многих лабиринтов северной Фенноскандии. Но они либо просто игнорируют вопрос об отношении лабиринтов к христианству и соответствующей религиозной практике местного населения (Манюхин, 1996, с. 356, 360), либо рассматривают их, в русле новых теоретических шаблонов английской «постпроцессуальной» археологии, как негативную символическую реакцию язычников саамов на экспансию христианской религии в ритуальной сфере (Olsen, 1991; Ольсен, 2002). В принципе, это скрытая структуралистская модель объяснения в виде стандартной бинарной оппозиции христианства и язычества с их вполне отчетливо декларированными конфликтными отношениями. К ней примыкает умозрительное объяснение назначения лабиринтов как маркеров средневековых поморских тоней (Мизин, 2014). Такое определение не объясняет функции лабиринтов. Во-первых, остается неясным, почему лабиринты есть только в западном Беломорье и почему такие «маркеры» единичны по сравнению с обилием промысловых пунктов. Во-вторых, столь сложная, но незаметная на расстоянии маркировка должна была иметь некое символическое содержание, ориентированное на восприятие другими промысловиками и показывающее, что данный участок занят и используется. Но известная символика лабиринтов не имеет отношения к православному мировоззрению и религиозной практике поморов, особенно во владениях Соловецкого монастыря. Это тоже скрытая «языческая» интерпретация функций этих сооружений, которая сопряжена с их культурным контекстом, но недостаточно исследована.

Сведения о подлинных функциях северных каменных лабиринтов и их создателях нигде в Фенноскандии документально не зафиксированы в письменных источниках. Устная информация местного населения тоже не помогает раскрыть реальный культурный контекст и первоначальное назначение этих сооружений (см. Aspelin, 1877; Гурина, 1948; Kraft, 1977; Olsen, 1991). В Беломорье местные жители связывали каменные лабиринты с именами военачальника XIV в. Валита Корелянина, царя Петра I, беглых соратников мятежного казака Емельяна Пугачева или объясняли как следы лыж лешего (Гурина, 1948, с. 130). Это вполне типичные устные легенды местного происхождения, где памятники материальной культуры связываются главным образом с деятельностью исторических личностей либо отражают местные суеверия. Такие легенды нельзя считать даже косвенными источниками сведений для решения ключевых вопросов изучения культурного контекста и функций лабиринтов и не имеет смысла с этой целью подвергать их детальному анализу. Они свидетельствуют лишь о том, что местное население полностью забыло первоначальное назначение сооружений.

Тот факт, что реальные функции лабиринтов были забыты, в т.ч. соловецкими монахами, вовсе не свидетельствует о глубокой древности этих каменных сложений, а о том, что традиция их сооружения прервалась и не имела прочных корней в производственной и духовной сферах культуры местного населения. Упомянутые легенды представляют собой вполне обычное для многих областей современной традиционной культуры вторичное осмысление сохранившихся материальных объектов, память о первоначальном назначении и традиции воспроизведения которых уже были утрачены до XX века. К их числу отчасти принадлежат и сравнительно недавно сделанные объекты, например, поморские береговые и островные кресты, о которых речь пойдет ниже. Видимо память о реальном назначении даже таких сооружений, бесспорно имеющих отношение к религиозной символике, довольно быстро размывается с прекращением их функционирования в живой культуре. В принципе, быстрое исчезновение в духовной культуре представлений о функциях лабиринтов можно с некоторой долей вероятности рассматривать как косвенное свидетельство их производственного, а не культового назначения и религиозно-символического содержания, но только в сочетании с другими косвенными данными. Все интерпретации, где авторы пытаются определить символику каменных лабиринтов на основе подразумеваемого нехристианского мировоззрения, в конечном счете приводят в тупик, поскольку реальное содержание языческих символов отчетливо не выявляется в результате анализа их культурно-исторического контекста. Эти интерпретации замкнуты в собственных рамках. В такой ситуации нужно менять парадигму объяснения.

Надо сказать, что совершенно очевидна отмеченная многими исследователями связь северных каменных лабиринтовидных сложений с морским рыболовецким промыслом, потому что их очертания копируют морские ставные орудия лова разной степени сложности (подробный обзор см. Гурина, 1948). Практически все лабиринты и другие сложения похожих форм находятся вблизи современного берега моря, места их расположения обычно совпадают с рыболовецкими тонями поморов, а некоторые лабиринты передают «достаточно точно форму отдельных рыболовных снарядов» (Гурина, 1947, с. 92; 1948, с. 132-133, 141). Эти сооружения, как правило, находятся у промысловых пунктов, расположенных на морском побережье именно там, где нет нерестовых рек.

Согласно альтернативной, на мой взгляд, наиболее близкой к реальности функциональной версии И.М. Мулло (1966, с. 192), лабиринты западного Поморья представляют собой «планы» ловушек исключительно для морского лова семги, которые использовались в промысловой деятельности поморов. На Соловецких островах есть лабиринты – модели не только одиночных, но и спаренных ловушек. Менее сложные ловушки, по его мнению, использовались для добычи мелкой рыбы. Каменные макеты оснований таких сооружений («вентери», «звезды», «розетки») есть на Соловках (Мартынов, 2002, с. 67-68 сл.).

Вместе с тем вряд ли возможно, вслед за И.М. Мулло, определять все лабиринтовидные сложения как основания действующих стационарных ловушек из прутьев или сооружений из кольев типа заколов, которые более типичны для речного, отчасти прибрежного рыболовства. В море их устанавливали на «куипоге», т.е. приливном мелководье возле берега, а их основания иногда маркировали камнями (напр. см. Гурина, 1951, рис. 5). Однако многие каменные сложения такого рода расположены довольно высоко над морем, поэтому определение лабиринтов как следов действующих ловушек неизбежно и автоматически привязывает их относительные датировки к соответствующим высотам. Между тем, в лабиринтах и около них нигде не выявлены остатки или следы вбитых в грунт стационарных деревянных рыболовных конструкций. Больше того, лабиринтообразные сложения нередко расположены на каменистом и даже скальном грунте, где трудно или просто невозможно соорудить заколы. Чтобы объяснить эту

ситуацию, нужно либо вернуться к формальным датировкам лабиринтов по высотному расположению, либо признать, что они имели несколько иные функции.

По-видимому, все лабиринтовидные сложения с наибольшей вероятностью можно квалифицировать как объекты производственного назначения, а именно основания стационарных деревянных сооружений для профилактических работ с морскими сетевыми ловушками различной конструкции. Действительно, специальные ставные ловушки, как и прочие виды сетей, очень легко засорялись в море во время штормов, быстро обрастили водорослями и нуждались в периодической просушке, чистке и ремонте. Современные рыбаки регулярно чистят и чинят продольные сети на макетах-вешалах, копирующих их очертания и размеры. Макеты оснований более сложных сетевых ловушек различных форм вполне возможно и легче всего сооружать на любой пригодной высоте по плану, обозначенному такими способами, которые достаточно точно, надежно и зримо фиксируют их контуры, в т.ч. выкладками из камней на каменистых участках местности. Нельзя исключать и вероятность того, что подобные макеты использовались как стационарные шаблоны для плетения сложных сетей, однако косвенными данными такого рода мы не располагаем.

Отсюда понятно, почему лабиринты находятся на ближней к местам постановки ловушек, каменистой морской стороне побережья и островов. Их сооружали в наиболее удобных местах и почти на любой ближней высоте. Поэтому высотное расположение некоторых лабиринтов иногда могло совпадать с более древними памятниками. Такие случаи есть на Кольском полуострове (Манюхин, 2003, с. 132), но они вовсе не являются основанием для синхронизации этих лабиринтов с поселениями бронзового – железного веков. Ясно, что в самих лабиринтах и около них никогда не концентрировались остатки бытовой материальной культуры их создателей, тем более сакральные предметы. Здесь могут встретиться только случайные находки изделий производственного и бытового назначения. Отсутствие каких-либо культурных остатков подтвердили безрезультатные раскопки беломорских лабиринтов, сделанные К.П. Ревой (1907) и А.Я. Брюсовым (1940, с. 149-150). Серия поздних предметов, связанных с морским зверобойным промыслом (винтовочные и ружейные гильзы, пули, кусок свинца с изображением креста и др.) найдены в 2013 г. краеведом из пос. Чупа Ю.Н. Рыбаковым около лабиринта на о. Красный, где находился промысловый пункт поморов. Выше описано перекрывание лабиринта на Иваньковской тоне культурными остатками от Нового времени до современности.

Также понятно, почему лабиринтов больше всего, свыше 30 экз., на сравнительно густо населенных во время существования монастыря Соловецких островах, где также довольно много каменных оснований моделей менее сложных лабиринтовидных ловушек. Там нет рек и соответствующих мест для массового речного лова нерестовой рыбы. Добывать семгу, как и другие виды рыб, можно было только в море разнообразными ставными ловушками или продольными сетями. Макеты для профилактических работ с сетевыми ловушками сооружали на ближних, разной высоты участках берега островов. Однако на побережье моря, где нерестовую рыбу можно было ловить в реках, морскими ловушками пользовались гораздо реже либо макеты их оснований не всегда делали из камней.

Конечно, никак не соотносятся с действительностью замысловатые объяснения обилия лабиринтов и других похожих сооружений на Соловках тем обстоятельством, что на этих островах будто бы «сложился особый духовный микромир», потому что благодаря своему географическому расположению они находились между «"средним" (люди, фауна, флора) и "нижним" мирами» (Мартынов, 2002, с. 120). Такая «языческая» объяснительная модель недоказуема и порождает только серию безответных вопросов. В конечном счете, «упрощенный характер» и «наивный рационализм» подхода И.М. Мулло (Куратов, 1970, с. 36, 37) объясняют данную ситуацию гораздо конкретнее и правдоподобнее, чем детально не продуманные или вымышенные умозрительные интерпретации разного

рода, основанные на далеких, слабо осмысленных и буквально понятых формальных параллелях.

Независимо от всех существующих концепций нужно признать, что каменные лабиринты представляют собой межкультурное и межэтническое явление в средневековой Северо-Западной Европе. Они многочисленны не только в северной Фенноскандии, но и на берегах Балтики (сводку о балтийских лабиринтах см. Бельский, 2006). Поэтому их функциональные и содержательные характеристики следует определять в зависимости от хозяйственного и этнокультурного контекста.

Географическое положение и хронология объектов в пределах ареала могут косвенно указывать на их происхождение. Заметим, что Поморье находится на юго-восточной окраине ареала каменных лабиринтов, и здесь они явно не были оригинальным изобретением средневековых переселенцев карел или русских, во всяком случае, последнее нужно специально доказывать. Судя по всему, традиция их сооружения появилась на Белом море вместе с приемами гораздо более сложного морского, а не традиционного, относительно легкого речного лова семги на речных порогах. Вероятнее всего, эти приемы были заимствованы поморами у жителей других приморских областей Фенноскандии. Таким образом, лабиринты можно с большой вероятностью квалифицировать как результат хозяйственно-культурной адаптации пришлого средневекового населения Поморья.

Скорее всего, именно чужеродное происхождение производственной традиции сооружения лабиринтов было одной из причин того, что поморы быстро о них забыли, и только исследователи проявляют повышенный интерес к этим сложениям из-за их необычного облика и непонятного назначения. Поэтому и начало, и финал использования лабиринтов предположительно следует связывать с не вполне ясными изменениями способов, направлений и масштабов морского рыболовецкого промысла.

Конкретная динамика процесса изменения техники этого промысла у поморов детально не изучена. Нет подробных сведений и об орудиях промысла. Вероятнее всего, исчезновение лабиринтов можно связывать с переходом местного населения от добычи рыбы с помощью сложных ставных ловушек преимущественно на ловлю обычными продольными сетями, которая проще в техническом отношении, но требует более частых выездов в море для проверки сеток. Сетевую ловлю можно связать с изменением состава промысловый добычи и переходом рыбаков от добычи семги, которая шла в основном к столу знати, к массовому вылову для продажи таких некрупных видов рыб, как сельдь, навага, камбала, треска, которые стали популярны в России среди достаточно широких слоев населения примерно с середины XVIII века («соловецкая» селедка и «лабардан», т.е. треска). Наряду с сетями для их добычи применялись и различные ставные ловушки простых форм. Основным поставщиком беломорской рыбы был Соловецкий монастырь. Таким образом, период сооружения лабиринтов можно в общем датировать в рамках от начала рыболовецкого промысла у поморов, вероятно, до XVII в. включительно.

6.1.2. Менгиры.

Рис. 9. Один из менгиров в урочище Сыроватка.

имеют признаков дополнительной искусственной обработки.

Только на блочных менгирах на берегу моря в урочище Сыроватка, которое находится недалеко от островного промыслового пункта, заметны параллельные канавки вдоль их длинных краев (рис. 9). Канавки можно квалифицировать как следы предварительной разметки перед расчленением отдельных крупных плит или ломкой каменных блоков из местного скального массива плитчатой структуры.

Рис. 10. Менгиры на о. Большой Робяк.

Есть они и на островах у южного берега Онежской губы (Черная Луда, Большой Жужмуй). Менгиры располагаются по соседству с каменными ямами (Большой Робяк, Крестовая Луда), кучами и насыпями (Кузова, Могильный), ленточными фундаментами, овальными кладками, пирамидками (Немецкий Кузов, Сыроватка, Большой Жужмуй), захоронениями (Кирбей), средневековыми и более поздними промысловыми пунктами (Мальостров, Сыроватка, Избянная Луда и др.). Нужно отметить уникальную комбинацию в глухом заброшенном промысловом пункте в устье протоки северная Яголомба, где ментир сочетается с остатками избушки (рис. 11, 46) и ямой-ледником. В некоторых пунктах обнаружены только менгиры (Гордей, Пападьина).

Довольно много косвенной информации имеется по вопросу о принадлежности и функциях менгиров. Они представляют собой разных форм и размеров нестандартные каменные блоки и плоские плиты в вертикальном положении высотой от 0,6 м (о. Избянная Луда) до 2,75 м (о. Большой Робяк), которые подперты камнями или укреплены в скальных трещинах. Некоторые менгиры находятся в наклонном положении или уже лежат на земле. Как правило, они представляют собой природные камни, которые не

менгиры (свыше 80 экз., рис. 9-13) большей частью находятся на островах Белого моря, изредка на побережье (11 экз.). Они встречаются поодиночке (мысы Мальостров, рис. 13, Кирбей, протока северная Яголомба, рис. 11, о-ва Немецкий Кузов, рис. 12, Лоушкино, Могильный, Пападьина) или группами (урочище Сыроватка, рис. 9, мыс Гордей, о-ва Большой Робяк, рис. 10, Избянная Луда) и находятся на высоте от 2 до 90 м.

Рис. 11. Одиночный менгир в протоке северная Ягломба.

или иноверцев. Лишь в юго-западном Поморье известна легенда о превращении в камни на о. Кузова «немцев» – участников неудачных шведских военно-морских рейдов начала XVII в.

Рис. 12. Одиночный менгир на о. Немецкий Кузов.

того непременного условия, что они обязательно должны быть заметными, чтобы привлекать внимание людей либо воображаемые, обычно персонифицированные сверхъестественные силы. Поэтому менгиры в принципе могли сооружаться с определенными целями в предназначенных местах и иметь разные функции.

Судя по ареалу, их сооружение не было специфической традицией любой из средневековых этноязыковых групп населения, известных в Карельском Поморье. Однако севернее района д. Гридино на западном побережье Белого моря они не обнаружены, и можно утверждать, что массовое сооружение менгирами не характерно ни для саамов северной Финноскандии, ни для поморов на северном и восточном берегах Белого моря.

В Поморье прослеживается достаточно четкая общая параллель между расположением менгирами и поморских береговых и островных крестов, а также лабиринтов. Менгиры, лабиринты и кресты явно имеют отношение к морю, располагаясь на открытых к нему участках побережья и островов, а высота расположения отдельных сооружений зависит от профиля склонов на конкретных участках морского берега. Но ареалы лабиринтов и менгирами, в общем, практически не совпадают (рис. 4), тогда как массовое распространение менгирами и поморских деревянных крестов почти совсем не различаются. На внутренних пресноводных водоемах менгирами и крестов нет.

Конкретные сведения о функциях менгирами отсутствуют, и опознать их возможно только по косвенным признакам. Современные поморы не имеют ясного представления о назначении и символике этих сооружений. Они не связывают менгиры с языческими культурами, обычно не комментируют их функции и принадлежность и относятся к ним в целом с безразличием. У поморов нет и устной традиции, связывающей каменные сооружения, включая менгиры, с деятельностью иноязычного населения

Приписывать менгирам значения фаллических символов, вслед за Н.Н. Виноградовым (1997 (1935), И.М. Мулло (1984, с. 66) и их последователями (Мартынов, 2002, с. 159), нет абсолютно никаких оснований. Вольные ассоциативные образы, возникающие в сознании некоторых авторов, не являются решающими доводами в пользу определений конкретной символики этих объектов. Вертикально поставленные камни не являются символами, выражирующими какую-либо универсальную идею, кроме

6.1.3 Кресты.

Рис. 13. Одиночная стела на мысу Мальостров.

прежнему содержанию. На старых поморских крестах есть стандартные надписи, знаки и изображения, которые не вполне сопрягаются с их определением как маяков или памятных сооружений.

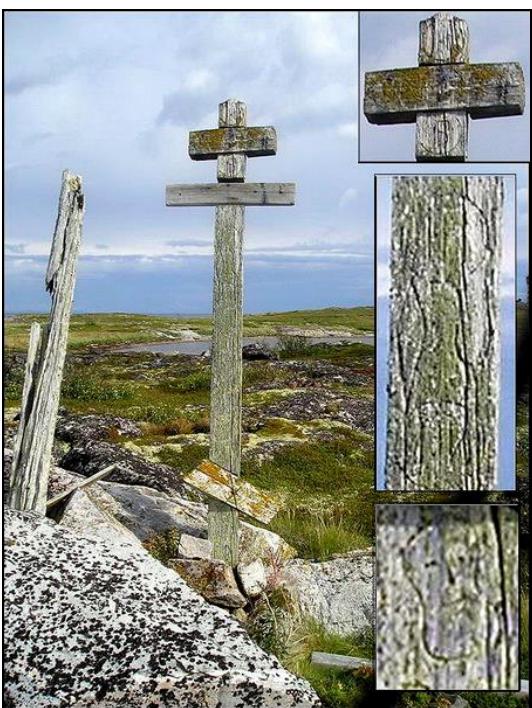

Рис. 14. Старый поморский крест с изображениями и знаками на о. Кемлуда.

По словам местных поморов, деревянные кресты представляли собой знаки владения промысловыми пунктами, путевые ориентиры и предупреждающие маяки, иногда знаки памяти о погибших в море людях (Кузнецова, 2003, с. 159-161). Однако нужно иметь в виду, что речь идет о сообщениях современных информаторов, которые уже не воздвигали кресты и не помнили точные сведения о назначении и символике многих таких объектов. Они излагают свои, вторичные объяснения, подобные местным интерпретациям лабиринтов. Кресты, которые поморы недавно начали вновь ставить у промысловых пунктов, всего лишь реанимируют эту традицию безотносительно к ее

Кресты и менгиры сосредоточены на участках промысловой деятельности местного населения средневекового и более позднего времени. Менгиры нигде не встречены в досредневековом культурном контексте. Во всяком случае, на Сыроватке, Мальострове, северной Яголомбе, о. Большой Жужмуй и Избяная Луда они датируются не раньше позднего средневековья по высоте над уровнем моря. Менгир у заброшенного промыслового пункта на северной Яголомбе, судя по культурному контексту, относится к сравнительно недавнему времени. На одиночной стеле у бывшего промыслового пункта на мысу Мальостров в устье Сумы выбиты православный крест (крест Голгофы, иначе схимнический, с вполне типичными сопутствующими надписями и изображениями), а также дата 1760 г. (рис. 13). Судя по расположению и знакам, стела совершенно идентична деревянным крестам.

В этой связи нужно заметить, что

менгиры, как правило, не сочетаются с крестами в конкретных пунктах. Вероятно, оба вида сооружений имели сходные функции и заменяли друг друга. Судя по всему, менгиры, как и кресты, представляли собой заметные с моря знаки владения промысловыми участками, и в этом заключалось их основное назначение. Менгиры ставили не только у рыболовецких пунктов, но видимо иногда и на границах промысловых участков. В некоторых ситуациях эти невысокие сооружения могли выполнять побочную функцию близких, но отнюдь не дальних ориентиров-маяков. О памятных и намогильных крестах или менгирах такого назначения на море нет конкретных и точных сведений.

Вместе с тем есть основания предполагать, что кресты, а возможно и заменяющие их менгиры, были не только маркерами, но параллельно выполняли символическую функцию оберегов промысловых участков и их пользователей. Речь идет об использовании воображаемого охранительного свойства христианского креста, которое в повседневной практике православных верующих играет весьма заметную роль среди его многозначной символики. Универсальное, инвариантное свойство креста в разных реальных ситуациях и контекстах – быть посредником в отношениях между человеком и сферой сверхъестественных явлений. Косвенный признак охранительной функции можно усматривать в сооружении крестов, а не других видов маркеров промысловых участков. Иначе непонятно, почему у многих промысловых пунктов поморы ставили именно кресты, нередко с датами и стандартными надписями. На очень старых крестах в северной части Карельского Поморья есть вырезанные иконообразные изображения, вероятнее всего покровителя мореходов и рыбаков св. Николая Мирликийского или местных подвижников (рис 14), а также пока малопонятные знаки в круглых рамках (рис. 14, 15). Можно предполагать, что это персональные знаки пользователей промысловых участков во владениях Соловецкого монастыря. Таких знаков нет на более поздних крестах с вырезанными на них датами в пределах второй половины XIX века.

Рис. 15. Старый крест у промыслового пункта на о. Красный.

6.1.4. Пирамидальные сложения.

По всей видимости, беломорским менгирам близки по своим функциям некоторые камни с «головками», они же «сейды второго – пятого типов» или «сейда-камни», как их называют И.М. Мулло (1984, с. 62-63) и его последователи (Титов, 1976, с. 21; Манюхин, 1996, с. 348-352; Мартынов, 2002, с. 158-159). Это низкие рукотворные сложения пирамидальной формы общим числом около 900 экз., высотой до 1 м, редко выше, состоящие из нескольких мелких камней, расположенных на крупные либо небольших камней, расположенных друг на друга. Любопытно, что подобных сложений почти нет вдоль Карельского берега севернее устья Кеми; нет их и на болотистом Поморском берегу. Они сосредоточены на ряде островов в южной части моря – Большом Жужмее, Черной Луде, Кондострове, Коткано и особенно многочисленны на островах архипелага Кузова: Русском и Немецком Кузовах, Большом Вороньем, Лодейном, Жилом (см. Манюхин, 1996; Манюхин, Лобанова, 2002; Лобанова, 2003, 2006). Такие сложения есть и на Соловках (Мартынов, 2002, с. 132-134). Пирамидки или камни с «головками» сооружали на разных высотах, вплоть до вершин островов. Хронологические рамки этого вида сложений точно не определены, однако частично они датируются не раньше позднего Средневековья.

Рис. 16. Туристы, складывающие пирамидки на о. Кузовах (www.yperboreia.org).

подходящих камней для менгира. Некоторые пирамидки могли иметь иные функции, в частности, служить подставками для костровых перекладин. Неясными деталями остаются узкий ареал и многочисленность подобных сложений в его пределах. Впрочем, менгиры и кресты тоже часто располагаются небольшими группами.

Рис. 17. Современная пирамидка на мысу бухты Песчаная.

Использование каменных пирамидок в качестве объектов культового почитания – сейдов нигде в южном Беломорье достоверно не установлено (Лобанова, 2006, с. 419), а несколько подобных сложений на о. Черная Луда определены как разновидность менгира (Лобанова, 2003, с. 104). Вполне вероятно, что многие пирамидальные сложения делали при отсутствии

Наконец нужно заметить, что многие камни с «головками» на о-вах Русский и Немецкий Кузова представляют собой современные поддельные «сейды», которые охотно и без труда складывают туристы (рис. 16). В результате, число пирамидальных сложений, особенно камней с «головками», здесь непрерывно меняется, и сейчас довольно трудно надежно и точно разделить и подсчитать современные и более ранние объекты. Пирамидки, сложенные туристами, есть и на Карельском побережье моря (рис. 17).

6.1.5 Каменные фигуры.

О многочисленных каменных фигурах «тотемных животных и птиц» – медведей, оленей, тюленей, лягушек и др. (около 80 экз.), а также серии «антропоморфных изображений идола Тиермеса» на о-вах Русский и Немецкий Кузова (Мулло, 1984; Мартынов, 2002, с. 158-159), можно сказать лишь то, что эти определения всецело созданы фантазией их авторов. Объекты такого рода – это отдельные природные камни различных форм или обычные рукотворные пирамидальные сложения с «головками». Они не сопровождаются какими-либо культурными остатками. Увидеть образы животных или антропоморфных богов в этих камнях можно только при намеренном и очень сильном стремлении интерпретаторов присвоить им саамскую принадлежность и языческую культовую символику.

6.1.6 Захоронения.

Рис. 18. Каменная куча над захоронением Соностров на берегу бухты Глубокая.

имеют каких-либо особых черт и представляют собой состоящие из беспорядочно набросанных камней овальные сложения высотой до 1 м и размерами от 4,8x3,6 м (Бережные Лехлуды, могила 2) до 1,65x1,3 м (Пурнаволок).

Рис. 19. Каменный ящик с разрушенным захоронением у мыса Пурнаволок

Пять одиночных могил в каменных ящиках и камерах под овальными кучами раскопаны в трех пунктах на западном побережье (Соностров, рис. 18, 21; мысы Кирбей, Пурнаволок, рис. 19; и о. Бережные Лехлуды, рис. 20, 22, 23). Они находятся на каменистых и скальных участках морского берега высотой 2-17 м неподалеку от поморских промысловых пунктов.

Каменные кучи с человеческими захоронениями не собой состоящие из беспорядочно набросанных камней овальные сложения высотой до 1 м и размерами от 4,8x3,6 м (Бережные Лехлуды, могила 2) до 1,65x1,3 м (Пурнаволок). Следы намогильных крестов не зафиксированы. Скелеты находились под кучами в ограниченных камнями камерах (Бережные Лехлуды, Соностров) или в каменных ящиках из вертикально поставленных плит (Пурнаволок, Кирбей). Прямоугольные ящики и камеры по христианскому обычаю ориентированы в направлении запад-восток, а погребенные в трех случаях лежали на спине головой на запад или северо-запад, в одном случае на боку.

Рис. 20. Каменная куча с погребением 3 на о. Бережные Лехлуды.

Хартановича, два скелета на о. Бережные Лехлуды принадлежат молодым женщинам до 30 лет, а на берегу Глубокой похоронен мужчина старше 40 лет. Антропологические особенности позволяют опознать погребенных как европеоидов, вероятнее всего, карел.

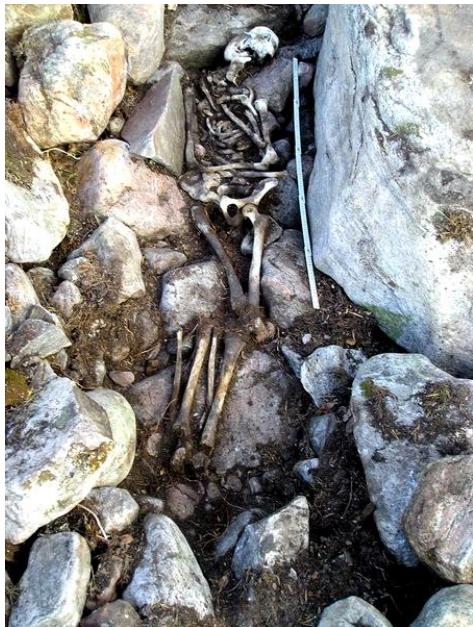

Рис. 21. Погребение Соностров

Рис. 22. Бережные Лехлуды. Погребение 3.

Судя по внешним деталям, все погребения совершены по христианскому православному обряду. Нет оснований сравнивать эти захоронения, вслед за Н.В. Лобановой (2005, с. 46; 2006, с. 420), с саамскими средневековыми могилами типа Варангер XI-XVI вв. в северо-восточной Норвегии (ср. Simonsen, 1958, 1962; радиоуглеродные даты см. Storli, 1986). Их объединяет только расположение под каменными насыпями. Эта черта вовсе не обязательно является традиционным этнокультурным признаком, но может быть адаптивной особенностью захоронений на каменистых участках, где невозможно выкопать грунтовые могилы.

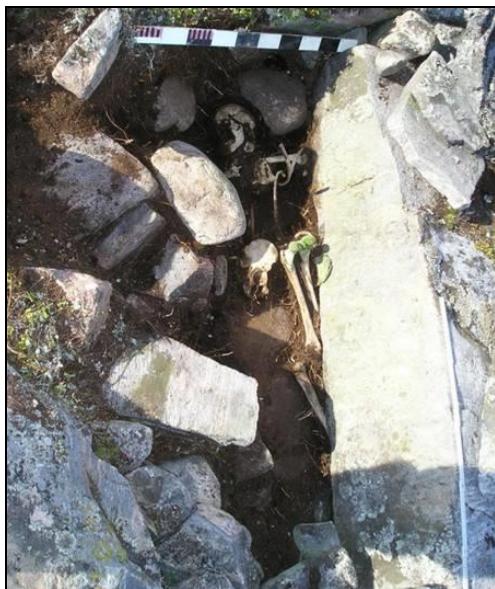

Рис. 23. Бережные Лехлуды. Погребение 2

Рис. 24. Различные сложения в Поморье.

В упомянутых случаях речь может идти о захоронениях поморов позднего Средневековья – Нового времени, которые жили здесь в период сезонных промыслов семьями или артелями и не могли быстро переправить умерших по разным причинам людей на удаленные деревенские кладбища. Современные информаторы упоминают такие ситуации. Подобным образом могли хоронить и промысловиков не местного происхождения. Кроме того есть сведения, что поморы раньше остерегались перевозить покойников «через воду» (см. Косменко, 2007, с. 38). Каменные могилы представляют собой косвенные свидетельства стационарной промысловой деятельности поморов за пределами своих населенных пунктов.

6.1.7 Уникальные комплексы.

Эти объекты единичны (рис. 24). В западном Поморье к ним относятся каменные насыпи различной формы и длины высотой до 1 м на вершинах о. Олешин и Могильный. Невысокие насыпи есть на Соловках, а также на нескольких островах в южной части моря в пределах Карелии (Мартынов, 2002; Шахнович, 2003; Лобанова, 2003), в частности на о. Большой Жужмуй и Салма Луда (рис. 26). Они не имеют четко выраженной стандартной конфигурации или размеров. Все

Рис. 25. Центральная часть и правое крыло каменной насыпи на о. Могильный

насыпи располагаются на возвышенной части островов, но это обстоятельство не может служить основанием для относительно ранней датировки. В целом назначение большинства насыпей по внешним признакам точно не определено и может быть предметом специального изучения. Есть устные сведения о том, что на них раньше вялили рыбу в солнечную погоду, но эта информация нуждается в подтверждении объективными данными.

Рис. 26. Каменная насыпь на о. Салма Луда.

Есть вероятно, что некоторые насыпи использовались для профилактических работ сносительно несложными тяжевыми орудиями для морского лова рыбы. В этом отношении очень любопытна насыпь длиной более 20 м у вершины о. Могильный. Она имеет два «крыла» и утолщенную центральную часть, на внешнем конце которой сохранились остатки деревянной постройки, а на гребне «крыльев» насыпи сложены пять небольших куч, в которых были укреплены деревянные колья (рис. 25). Вдоль

насыпи могли растягивать на вешалах для чистки и починки длинную сетевую ловушку типа мережи с крыльями и мешком-накопителем в центре. Судя по всем косвенным признакам (расположение у рыболовецких промысловых пунктов, отсутствие иных археологических памятников), каменные насыпи были сделаны поморами с производственными целями в позднем Средневековье – Новом времени.

Рис. 27. Южная Яголомба. Кольцевидное сложение.

Видимо этим же временем датируются и кольцевидные сооружения диаметром от 0,8 до 9 м на западном берегу (урочище Сыроватка, мыс Шоломбродский, протока южная Яголомба (рис. 27) и островах у южного побережья моря (Голомянный, Мягостров, Коткано, Кондостров). По меньшей мере, частично они относятся к средневековой эпохе, судя по небольшой высоте над

уровнем моря и расположению у поморских промысловых пунктов (Большой Жужмуй, Салма Луда, Сыроватка, Могильный, Шоломбродский, Яголомба). Однако их назначение точно не установлено, и определить его возможно только путем раскопок и анализа комплексов сооружений.

7. Производственно-бытовые сооружения.

Рис. 28. Куча-очаг в бывшей рыбокоптильне на о. Пежостров.

объекты в массовом количестве встречаются в южной части Карельского берега и почти исчезают севернее д. Соностров и Чупинского фиорда. Как правило, они находятся вблизи старых поморских промысловых пунктов.

7.1. Каменные кучи.

Многочисленные каменные кучи имеют разные формы и размеры, возраст и назначение. Их высота обычно не превышает 1 м. Нет особого смысла классифицировать их по формальным признакам, потому что кучи очень часто имеют сходные округлые или овальные очертания, но существенно различаются в функциональном отношении. Они рассеяны в разных пунктах, особенно на каменистых островах.

Некоторые кучи находятся на местах разрушенных деревянных построек и представляют собой округлые и овальные очаги в банях, рыбокоптильнях (рис. 28) и заброшенных промысловых избушках (рис. 46, 47). Есть кучи неясного назначения, которые имеют необычную удлиненную форму, как на о-вах Соностров (рис. 31), Тонисаар и Пежостров. В них есть угли и углисто-зольные прослойки, как в очагах. Однако под некоторыми овальными кучами обнаружены одиночные захоронения, описанные выше, а другие были подпорами уже исчезнувших поморских деревянных крестов (рис. 30).

С хозяйственно-бытовой деятельностью промысловиков непосредственно связаны каменные очаги и ямы, отчасти кучи (рис. 30, 29). Определение функций этих видов сооружений по внешним чертам не вызывает особых затруднений, однако назначение куч в ряде случаев прямо не связано с производственными нуждами промысловиков либо, как и возраст, точно не устанавливается. Все эти

Рис. 29. Очаги, ямы и кладовые-ледники в Карельском Поморье.

Рис. 31. Длинная куча грушевидной формы на о. Соностров

Рис. 30. Куча-подпора деревянного креста на о. Пежостров.

Рис. 32. Открытые очаги на о. Бережные Лехлуды.

Рис. 33. Расчищенный очаг на о. Бережные Лехлуды.

7.2 Очаги.

Рис. 34. Подковообразный очаг на мысу Шоломбродский.

Шоломбродский (рис. 34), о. Тонисаар и в Пункте южнее мыса Шарапов. Устье очагов всегда открыто только в сторону материка, а в камерах есть уголь и следы действия огня.

Открытые очаги, по другой версии «дольмены» (Лобанова, 2006, с. 422), сложены из каменных плит, имеют прямоугольную П-образную форму и размеры до 1,5x1,2 м с высотой стенок до 0,8 м. Они встречаются в западном Поморье (о-ва Олений, Бережные Лехлуды, рис. 32). Есть и подковообразные очаги разм. до 2,2x2,0 м, выс. до 0,5 м, как на мысу

В очагах на о. Бережные Лехлуды (рис. 33) и Олений наблюдался слой черной углистой массы и спекшейся смолы. Судя по небольшой высоте 2-5 м над уровнем моря, они сооружены не раньше средневековья. Неподалеку от них находится поморский промысловый пункт жителей д. Калгалакша. Вокруг этих сооружений нет следов деревянных построек, поэтому их можно квалифицировать как временные очаги вне пределов жилых или производственных строений. Такие же каменные очаги с высокими стенками для защиты огня от морского ветра здесь делают и современные местные рыбаки (Долгая губа, протока южная Яголомба, пролив Перговщина, о. Бережные). В отличие от старых очагов, они не задернованы и периодически используются. По всей видимости, эти временные очаги сделаны в русле местной традиции. На современных стоянках туристов и приезжих городских рыболовов обычно встречаются кольцевидные кострища, обложенные камнями по периметру.

7.3. Ямы.

Рис. 35. Яма у мыса Пурнаволок.

Вблизи многих промысловых пунктов на островах и мысах зафиксировано более 150 ям (рис. 29). Совершенно нет оснований определять их как следы саамских жилищ-землянок, вслед за И.М. Мулло (1984, с. 76-77). Также нет каких-либо данных о культовом назначении ям, которое допускают другие авторы (Лобанова, 2006, с. 422). Это временные хранилища промысловой добычи и различных припасов.

Рис. 36. Яма на мысу между бухтами Глубокая и Соленая Ламба.

Ямы обычно располагаются группами, редко поодиночке на высоте 2-4 м, а на площадках крутых склонов иногда до 30 м. Четкой регулярности в их взаимном расположении не наблюдается. Ямы имеют округлую, овальную, иногда прямоугольную форму, диаметр до 2,5 м и глубину до 1,5 м. Чаще всего их сооружали в пределах узких галечных лент волноприбойной полосы на морских террасах разной высоты и возраста (рис. 35), реже на площадках высоких террасированных каменистых мысов (рис. 36, 37).

реже на площадках высоких террасированных каменистых мысов (рис. 36, 37).

Рис. 37. Яма на высоком берегу бухты Корабельная.

(Пункт южнее мыса Шарапов, о. Соностров, о-ва Салма Луда, Зеленая Луда, рис. 39).

Чаще всего встречаются ямы-«пещеры», вырытые под группами валунами (о. Малый Жужмуй, рис. 40) и прямоугольные углубления, скрепленные плоскими плитами (о. Салма Луда, рис. 38). Обычно они расположены неподалеку от брошенных промысловых линий. Однако некоторые ямы-хранилища были оружены местным населением сравнительно недавно, если судить по сохранившимся остаткам деревянных перекрытий

Рис. 38. Яма, перекрытая каменными плитами на о. Салма Луда.

Рис. 39. Яма с остатками деревянных перекрытий на о. Зеленая Луда.

Рис. 40. Яма-«пещера» на о. Малый Жужмуй.

Рис. 41. Яма-ледник в протоке южная Яголомба

Кроме того, на западном побережье есть выразительная серия крупных и глубоких одиночных прямоугольных ям от кладовых-ледников (рис. 41), выкопанных в песчаном

или каменистом грунте на нижних морских террасах западного побережья (протоки южная и северная Яголомба, оз. Кивиканда, бухты Девичья, Глубокая, Сонруцкая, окрестности д. Соностров, о. Тонисаар, Никольская, Корабельная бухта и др.). Их внутренние размеры варьируют от 2,2x1,5 м и глубиной 1,0 м с выходом ок. 2,6x0,6 м (сев. Яголомба) до 1,4x1,4 м при глубине ок. 1,5 м (Глубокая). Внешне они похожи на ямы от небольших жилищ-землянок, но на их дне и у выходов нет ни очагов, ни культурного слоя, типичного для жилых построек. Ледники-кладовые сооружены не раньше позднего Средневековья и сопутствуют крупномасштабному промыслу, ориентированному не только на собственное потребление, но и на хранение продукции с последующим торговым сбытом накопленных партий.

Каменное сооружение близ мыса Пурнаволок расположено в прибрежной части пологого склона берега моря, на высоте 2-3 м. Оно не имеет аналогов в Поморье и сделано явно не раньше времени сложения поморской культуры. Вблизи сооружения находятся остатки очень старого поморского креста со знаками в круглых рамках (рис. 42).

Сооружение представляет собой прямоугольную яму с выложенными камнями стенками (внешние размеры 4,5x3,0 м, внутренние – 2,6x2,0 м при глубине около 1 м) и крытым каменными блоками ходом в сторону материка (4,4x2,0-2,4 м, внутренняя ширина 0,6 м и высота 0,5 м) (рис. 43). По краям и в заполнении ямы найдены единичные кусочки шлака и обломки железных предметов, включая клепаные обручи для бочек, а на дне и стенках ямы наблюдались интенсивные следы огня. Впрочем, нет никаких оснований считать этот объект железноделательным или кузнецким горном. Скорее всего, сооружение использовалось в других целях и просто сгорело. По форме, размерам и конструкции оно очень похоже на кладовые-ледники в устье проток из оз. Яголомба и др., однако последние не имеют крытых каменных ходов. Местные жители определяют его как остатки рыбокоптильни, что вполне вероятно.

Рис. 42. Расчистка сооружения у мыса Пурнаволок. Стрелкой указаны остатки старого поморского креста со знаками в круглых рамках.

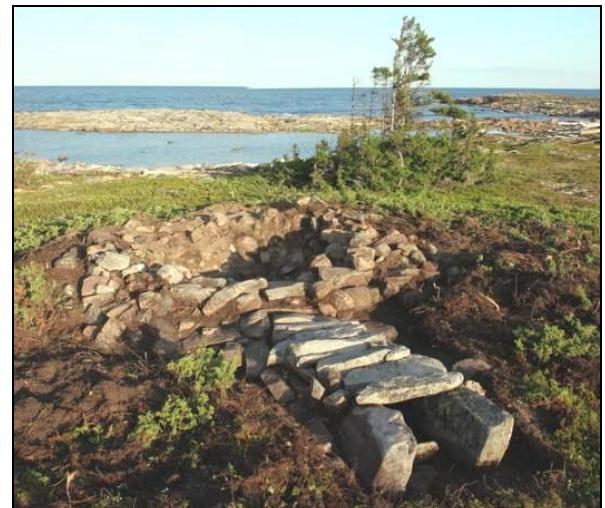

Рис. 43. Сооружение Пурнаволок.

7.4 Фундаменты построек.

В ряде пунктов обнаружены низкие одиночные прямоугольные ленточные сложения из камней, которые иногда называют «оградками». Многокамерные прямоугольные «оградки» на Соловках (о. Анзерский) были предварительно определены как саамские могильники XII-XV вв. (Мартынов, 2002, с. 127-132), но в ходе их раскопок не были выявлены какие-либо прямые и косвенные признаки человеческих захоронений.

Судя по составу находок (гончарная посуда, кованые гвозди), это вероятнее всего, остатки ленточных каменных фундаментов под стенами жилых или производственных многокамерных деревянных строений. К примеру, остатки похожих многокамерных построек раскопаны в северо-восточной Норвегии, где они принадлежали разноэтничным торговым сообществам средневековой эпохи (Henriksen, Amundsen, 2003). Вполне понятно их присутствие у Соловецкого монастыря, который вел интенсивную и обширную торговую деятельность. Естественно, в промысловых пунктах Поморья сложные многокамерные фундаменты не обнаружены, а встречаются только одиночные «оградки».

Рис. 44. Фундамент на о. Бережные Лехлуды.

западной части Русского и юго-восточного берега сооружений без каменных фундаментов. Следы такой постройки с очагом в неглубокой

Рис. 45. Разрушенная избушка в промысловом пункте на о. Красный.

Небольшие одиночные «оградки» являются фундаментами стен избушек или амбаров размерами от 2x3 м до 6,5x4 м в промысловых пунктах (о-ва Большой Кузьмин, Малый Жужмуй, Немецкий Кузов, вероятно Бережные Лехлуды, рис. 44). На Немецком Кузове такой фундамент находится рядом с крупным менгиrom непосредственно на скальной площадке высотой около 90 м над морем. Одиночные ленточные фундаменты пока не раскапывались археологами. Впрочем, на нижних террасах юго-западной части Русского и юго-восточного берега Немецкого Кузова есть следы жилых сооружений без каменных фундаментов. Следы такой постройки с очагом в неглубокой впадине 3,8x1,5 м раскопал И.М. Мулло на Немецком Кузове (Шахнович, 2006, с. 410-411). Остатки сгнившей бревенчатой избушки без фундамента размерами 2,4x2,0 м с очагом-каменкой в левом заднем от выхода углу и в сочетании с менгиrom и ямой от кладовой-ледника находятся в заброшенном промысловом пункте в устье протоки северная Яголомба (рис. 46). Остатки старых избушек с очагами есть и в других бухтах и на островах в западном Поморье (рис. 45, 47).

Рис. 46. Остатки промысловой избушки с очагом в протоке северная Яголомба

Рис. 47. Остатки избушки с каменным очагом в бухте Дорошиха.

8. Интерпретация объектов промысловой культуры.

Каменные и иные сооружения в прибрежной зоне Карельского Беломорья являются фрагментами далеко не полной, но достаточно широкой картины промысловой культуры поморов. Имеющиеся археологические материалы дают представление только о некоторых видах ее материальных остатков. Данная междисциплинарная историко-этнографическая тематика находится на стыке археологии, этноархеологии и этнографии. Поэтому для детальной реконструкции культуры нужно выполнить более широкие археологические исследования, включая раскопки некоторых объектов, а также в полном объеме привлекать письменные, этнографические источники и сведения, касающиеся объектов морских промыслов. Ее археологический аспект интересен тем, что позволяет описать специфические черты особой адаптивной промысловой культуры поморов. Речь идет о довольно редком случае, когда можно выявить соотношение между быстрым приспособлением материальной культуры разнозычных переселенцев – русских и карел к совершенно новой, морской природной среде и социальной организацией их экономической деятельности.

Обозначим основные итоги контекстуального анализа беломорских сооружений.

1. В Поморье наблюдается вполне отчетливое совпадение ареала каменных сооружений с узкой прибрежной зоной, которая представляет собой особую природную среду. В ее пределах контрастно сочетаются условия, свойственные пресноводным озерно-речным системам внутренних районов бассейна Белого моря и специфическая морская среда, приспособление к которой требовало выработки особых производственных и бытовых навыков и традиций. Все сооружения из природного камня географически приурочены именно к морской части этой зоны, а топографически располагаются только на каменистых участках побережья и островов. Следовательно, они представляют собой результат экологического приспособления жителей приморской зоны.

2. Формальная датировка конкретных объектов и их категорий по высотному расположению над уровнем моря дает в целом искаженные результаты. Древнее и средневековое население выбирало места для поселений и сооружений в соответствии с собственными предпочтениями и профилем береговых склонов на конкретных участках морского побережья. Поэтому относительные датировки, наиболее близкие к истинным, могут быть установлены только для самых нижних объектов какой-либо классификационной категории. Другими словами, датировать по высотному расположению над морем возможно только финальный, но не начальный этап существования любой категории археологических памятников, включая каменные сооружения.

3. Каменные объекты на низких уровнях морского побережья не могли быть сделаны язычниками саамами или карелами. Известные в Карелии места обитания этих популяций нигде не сопровождаются рукотворными каменными сооружениями сходных форм. На побережье есть только сеть поселений и промысловых пунктов оседлых поморов, сложившаяся в средневековье. Она полностью совпадает с ареалом массового сосредоточения каменных объектов. Значительная часть сооружений всех видов находится на нижней морской террасе, где нет поселений бронзового века – раннего средневековья, но располагаются деревни и временные промысловые пункты поморов. Сооружения на нижней террасе, несомненно, синхронны этим поселениям и принадлежали поморам.

4. Нет косвенных свидетельств того, что каменные сооружения представляют собой объекты нехристианских культов либо даже их пережиточных форм. Сооружения всех видов, по крайней мере на нижней морской террасе, прямо или косвенно могут соотноситься только с деятельностью поморов, которые были православными христианами. Мы не станем здесь касаться тех традиционных черт средневековой

материальной культуры поморов, которые дают информацию об их происхождении. Хотя эта сфера культуры изучена недостаточно, инородность поморского населения на Белом море не вызывает сомнений.

Если рассматривать этнокультурную ситуацию шире, то анализ исследователями различного рода данных и письменных источников, а также современного состояния поморов позволяет определить их как разнородную по своему происхождению, но давно интегрированную локальную группу русскоязычного населения. Она сложилась к середине XVI в. главным образом из русских переселенцев на южном и карел на западном побережье моря (Бернштам, 1978, с. 70; Жуков, 2005, с. 86-89). Уже в то время поморы начали отличать себя как «поморцев» от других соседних локальных и этноязыковых групп населения бассейна Белого моря – двинян, каргополов, лопян (Жуков, 2005, с. 85-91). Поморы изначально формировались как хозяйствственно-культурная, а не этноязыковая общность. Географию их расселения в Поморье во многом определило расположение промысловых угодий (Амелина, 2007, с. 76). Их объединила адаптивная ориентация хозяйства, а именно преимущественное развитие товарных морских промыслов, включая солеварение, а также ряд социально-политических обстоятельств, в значительной мере связанных с русско-шведскими войнами XVI-XVII вв. (Жуков, 2005, с. 87; Амелина, 2009). В конечном счете, сочетание этих факторов обусловило более высокий уровень осознания современными поморами своей общности по сравнению с другими локальными группами русскоязычного населения Карелии (Логинов, 2005).

Рукотворные каменные объекты Беломорья возникли в результате комбинированного воздействия относительно устойчивых природных и более изменчивых социально-политических факторов. Особенности и динамику формирования промысловой культуры поморов определяли пути сезонных миграций морских рыб и животных, расположение и природные особенности островов, включая наличие пресной воды, а также специализация, география и организация промыслов, спрос на различные виды продукции и др.

С одной стороны, сооружения можно вполне определенно рассматривать, как результат активной экологической адаптации инородного средневекового населения к специфическим природным условиям островов южной и западной части моря, а также тех участков западного побережья, где камень служил строительным материалом. Поморы, независимо от этноязыковой принадлежности, делали их на своих участках сезонной морской промысловой деятельности. Поэтому ареал сооружений очень узок и ограничен прибрежной зоной Поморья. Показательно, что их нет во внутренних районах морского бассейна и на нижних озерах в озерно-речных системах. Они также отсутствуют на болотистом южном берегу в Прибеломорской низменности, в т.ч. вблизи средневековых промысловых пунктов у порогов в низовьях рек. Сложения многочисленны именно на каменистых островах и участках побережья. В западном Поморье наиболее заметны скопления на островах около г. Кемь, а также в местах сосредоточения промысловых пунктов у дд. Гридино, Калгалакша и Соностров. Здесь много объектов разных видов, вполне уверенно датируемых не раньше средневековья. Они прямо или косвенно связаны с морской промысловой деятельностью местных поморов.

Итак, рукотворные сооружения являются результатом непосредственного экологического приспособления поморов к особенностям каменистых участков побережья и островов Белого моря. Их видовой состав свидетельствует о сложении особой модели адаптации поморского населения к природным условиям Беломорья, которая заметно отличается от моделей экологического приспособления в бронзовом и железном веках (Косменко, 2009). Большинство видов объектов были местным изобретением и в целом отражают производственные и бытовые потребности промысловиков. Среди них можно выделить менгиры и оригинальные каменные очаги. Напротив, лабиринты появились здесь, по всей видимости, как следствие культурной адаптации поморов к способам

морского рыболовства, распространенным у населения приморской зоны северной Фенноскандии и Балтийского моря.

С другой стороны, состав, количество и локализация каменных сооружений зависели от направлений, способов и масштабов хозяйственной деятельности населения Поморья. В данном случае, существенную, если не главную роль в сложении профиля поморской экономики играло ее хозяйственное приспособление к потребностям формирующегося общероссийского рынка периодов позднего средневековья – Нового времени. Направления и объем товарного производства прямо зависели от экономической политики Соловецкого монастыря, который в начале XVII века завладел практически всей прибрежной зоной южного и западного Беломорья. Монастырь широко торговал продукцией морских промыслов с другими областями Московского государства, а также скандинавскими странами и был наиболее крупным субъектом экономической деятельности на российском Севере.

С постройкой в конце XVI в. внушительной крепости из природного булыжного камня, Соловецкий монастырь стал не только надежным оборонительным центром на северных рубежах Московского государства, но и фактически превратился в центр государственного управления на беломорском побережье (Жуков, 2000, с. 21). Здесь нет необходимости приводить подробные сведения об исторической динамике изменений в его торговом балансе и, соответственно, структуре и масштабах различных видов промыслов, как и о взаимоотношениях монастыря с промысловиками – пользователями его угодий (подробнее об этом см. Савич, 1927; Мюллер, 1947; Карелия в XVII веке, 1948; Жуков, 2005; Амелина, 2009 и др.). Нужно подчеркнуть, что массовая концентрация рукотворных каменных объектов полностью совпадает с зоной промысловой деятельности поморов во владениях Соловецкого монастыря.

Экологическая адаптация охотников-рыболовов в каменном веке – раннем средневековье, судя по имеющимся данным, не принимала форму регулярной сезонной эксплуатации морских ресурсов в специальных промысловых пунктах за пределами поселений. Больше того, нет веских оснований говорить о древних береговых археологических культурах, ориентированных исключительно на морские, особенно рыболовецкие промыслы. Есть лишь данные о летней прибрежной гарпунной охоте на морских животных с лодок, которая зародилась еще в каменном веке (Петроглифы, малочисленные кости тюленей на поселениях этого времени в низовье Выга: Савватеев, 1970; 1977, с. 324 и Керети: Тарасов, 2007, с. 51).

Создание сети специализированных промысловых пунктов за пределами поселений и соответствующая продуктивность промыслов были достигнуты только в позднем средневековье и связаны с ориентацией организаторов промыслов и в целом населения Поморья на товарное производство. Если даже условно допустить, что какие-либо виды каменных объектов ранее частично сооружались на Белом море саамами или иными финноязычными популяциями, то в средневековье они становятся межкультурным и межэтническим явлением, связанным с промысловой деятельностью оседлых поморов.

Основную массу сооружений в прибрежной зоне Поморья можно отнести к XVI–XVIII вв. – времени интенсивной промысловой деятельности поморов в монастырских угодьях. Конечно, время появления отдельных сооружений может выходить за эти хронологические и территориальные рамки. Учитывая объективную трудность точной датировки конкретных объектов, не следует игнорировать вопрос о заимствовании поморами традиций строительства каменных сооружений у субстратного или соседнего охотничье-рыболовецкого саамского населения. Однако преемственная или контактная связь такого рода совершенно не выявляется в известных археологических материалах, если не считать недостаточно изученную ситуацию с появлением лабиринтов. Каменных сооружений нет около скоплений древних поселений в низовьях Сумы, Выга, Кеми, Керети. Точно не опознаны какие-либо каменные объекты на Соловках и Кузовах, связанные с небольшими древними стоянками «домонастырского» времени. Такие

сооружения отсутствуют в местах проживания средневековых саамов и карел во внутренних районах бассейна Белого моря.

Можно также утверждать, что, каменные сооружения Поморья были тесно связаны с хозяйственной промысловой деятельностью поморов главным образом во владениях Соловецкого монастыря. Среди них нет отчетливо выраженных объектов языческих культов. Нет и следов соответствующего культурного контекста. Судя по обряду захоронения и крестам, все они вписываются в христианский православный контекст. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что религиозные представления и православная символика не определяли основные функции сооружений, но органично с ними сочетались в качестве сопровождающих традиционных элементов духовной культуры поморов.

Размещение, состав и количество каменных объектов зависели от расположения и длительности существования промысловых пунктов, а также ориентации и масштабов деятельности промысловиков. Направления и товарную производительность морских промыслов в Поморье определяла экономическая политика Соловецкого монастыря, который стал крупнейшим вотчинником на российском Севере и поощрял промыслы в своих владениях. Эта деятельность способствовала формированию локальной хозяйственно-культурной и субэтнической специфики поморов. В конечном счете, организация морских промыслов под патронажем монастыря обусловила форму и степень экологического приспособления поморов и, соответственно, территориальные рамки массового распространения описанных видов каменных сооружений.

Наконец нужно сказать, что несмотря на смену способов организации и техники промыслов, наблюдается преемственность некоторых видов сооружений средневекового и более позднего населения Поморья. Традиция сооружения ям-хранилищ и ледников, особых форм очагов и видимо менгиров, оказалась стойкой и сохранилась у поморов до сравнительно недавнего времени, равно как продолжилось использование многих прежних промысловых пунктов. Вместе с тем, большинство видов сооружений – лабиринты, менгиры, насыпи, ямы, земляные ледники и др. в настоящее время вышли из непосредственного употребления. Традиционные формы промысловой поморской культуры сейчас можно считать объектом историко-археологических исследований. Это обстоятельство во многом определяет круг проблем ее изучения и современные методы их решения. В целом эта культура уже практически исчезла как специфическая форма производства, а некоторые ее детали существенно трансформировались вследствие масштабных изменений, которые произошли в России главным образом в XX веке.

9. Литература

- Амелина Т.П. 2007. Из истории средневековых поселений Беломорья // КГИБМ.
- Амелина Т.П. 2009. Вопросы хозяйственно-культурной адаптации населения Карелии в эпоху Средневековья и Нового времени // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск.
- Бельский С.В. 2006. Каменные лабиринты побережья Выборгского залива (к постановке проблемы) // ПСИКЕС.
- Бернштам Т.А. 1978. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л.
- Брюсов А.Я. 1940. История древней Карелии // Труды Государственного Исторического музея. Вып. IX. М.
- Виноградов Н.Н. 1927. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 4. Соловки.
- Виноградов Н.Н. 1997 (1935). К вопросу о значении некоторых первобытных сооружений Соловецкого архипелага // Археология Севера. Петрозаводск.
- Гурина Н.Н. 1947. К вопросу о лабиринтах Беломорья // Археологический сборник. Петрозаводск.
- Гурина Н.Н. 1948. Каменные лабиринты Беломорья. СА. Т. X.
- Гурина Н.Н. 1951. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // МИА № 20.
- Гурина Н.Н. 1961. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // МИА. № 87.
- Досифей. 1836. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М.
- Жуков А.Ю. 2000. Северная Карелия в системе государственного управления России в XV-XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск.
- Жуков А.Ю. 2005. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV-XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полизначном пространстве пограничного региона. Петрозаводск.
- Кабо В.Р. 2007. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. М. Карелия в XVII веке. Сб. документов. 1948. Петрозаводск.
- Косменко М.Г. 1993. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.
- Косменко М.Г. 1996. Эпоха средневековья. Поселения охотниче-рыболовецких культур // АК.
- Косменко М.Г. 2007. Древности приморской зоны южного и западного Беломорья // КГИБМ.
- Косменко М.Г. 2007а. Каталог археологических памятников приморской зоны южного и западного Беломорья. КГИБМ.
- Косменко М.Г. 2009. Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболовов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск.
- Косменко М.Г. 2013. Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье // Поволжская археология. № 1(3). Казань.
- Косменко М.Г. 2014. Каменные сооружения в Карельском Поморье // Lambert Academic Publishing. Saarbrücken.
- Кузнецова В.П. 2003. Почитаемые места и памятники Поморья // ПИНФ.
- Куратов А.А. 1970. О каменных лабиринтах Северной Европы (опыт классификации). СА. № 1.

- Лобанова Н.В. 2003. Итоги и перспективы изучения археологических памятников Онежской губы Белого моря // ПИНФ.
- Лобанова Н.В. 2006. К вопросу о каменных сооружениях Карельского Беломорья (по материалам археологических разведок 2000-2005 гг.) // ПСИКЕС.
- Логинов К.К. 2005. К вопросу об этнолокальных и локальных группах русских Карелии // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона. Петрозаводск.
- Манюхин И.С. 1996. Саамы (культовые памятники) // АК.
- Манюхин И.С. 2003. Культовые места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы России. М.
- Манюхин И.С., Лобанова Н.В. 2002. Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск.
- Мартынов А.Я. 2002. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. Архангельск-Соловки.
- Мизин В.Г. Сейды, лабиринты, древние камни Арктики // 2014. СПб.
- Мулло И.М. 1966. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. Петрозаводск.
- Мулло И.М. 1984. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. Архангельск-Соловки.
- Мюллер Р.Б. 1947. Очерки по истории Карелии XVI-XVII вв. Петрозаводск.
- Ольсен Б. 2002. Северные лабиринты // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск.
- Рева К.П. 1907. О раскопках в 1907 г. // ОАК за 1907 г.
- Савватеев Ю.А. 1970. Залавруга. Ч.1. Петроглифы. Л.
- Савватеев Ю.А. 1977. Залавруга. Ч.2. Стоянки. Л.
- Савич А.А. 1927. Соловецкая вотчина XV-XVII вв. Пермь.
- Спицын А.А. 1904. Северные лабиринты // ИАК. Вып. 6.
- Тарасов А.Ю. 2007. Археологические исследования в нижнем течении реки Керети в северном Прибеломорье в 2004-2006 гг. // КГИБМ.
- Титов Ю.В. 1976. Лабиринты и сейды. Петрозаводск.
- Шахнович М.М. 2003. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // ПИНФ.
- Шахнович М.М. 2006. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И.М. Мулло: хроника сложения «саамского» мифа // ПСИКЕС.
- Aspelin I.R. 1877. Latulinarhat Suomen rautamalla // Finska Forminustörenings Tidskrift. Т. II. Helsingfors.
- Henriksen J.E., Amundsen C.P. 2003. Multi-room houses and trans-cultural interaction in medieval coastal Finnmark // ПИНФ.
- Kraft J. 1977. Labyrint och ryttalek // Fornvännen. 72. Stockholm.
- Olsen B. 1991. Material metaphors and historical practice: A structural analysis of stone labyrinths in coastal Finnmark // Fennoscandia Archaeologica. VIII. Helsinki.
- Simonsen P. 1958. Funn og fortidsminner i Indre Salten // Antikvariske registreringer i Nord-Norge. I.
- Simonsen P. 1962. Funn og fortidsminner i Gildeskål og Beiarn // Antikvariske registreringer i Nord-Norge. II.
- Sørgård Å. 2003. Labyrinths in the North // ПИНФ.
- Storli I. 1986. A review of archaeological research on Sami prehistory // Acta Borealia. 1.

Сокращения

- АК – Археология Карелии. 1996. Петрозаводск.
- АЕС – Археология евразийских степей.
- АПК – Археологические памятники Карелии. Каталог. 2007. Петрозаводск.
- ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
- ИЯЛИ КНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук. Петрозаводск.
- КГИБМ – Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. 2007. Петрозаводск.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
- ОАК – Отчеты Археологической комиссии. СПб.
- ПИНФ – Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. 2003. Петрозаводск.
- ПСИКЕС – Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. 2006. Соловки.
- СА – Советская археология. М., Л.